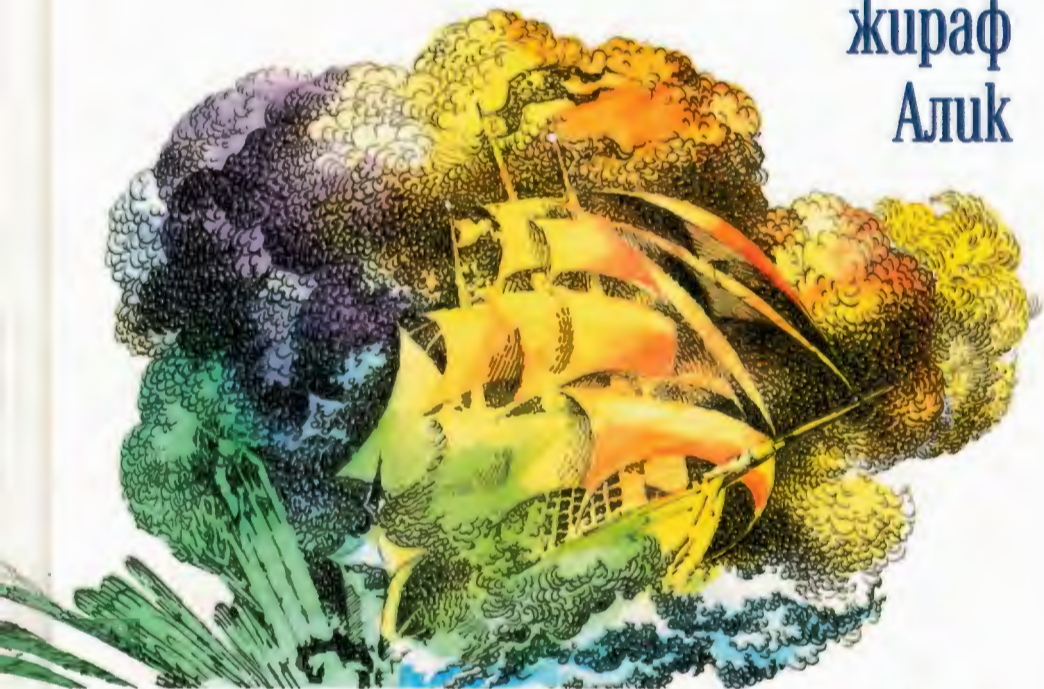


Владислав Крапивин

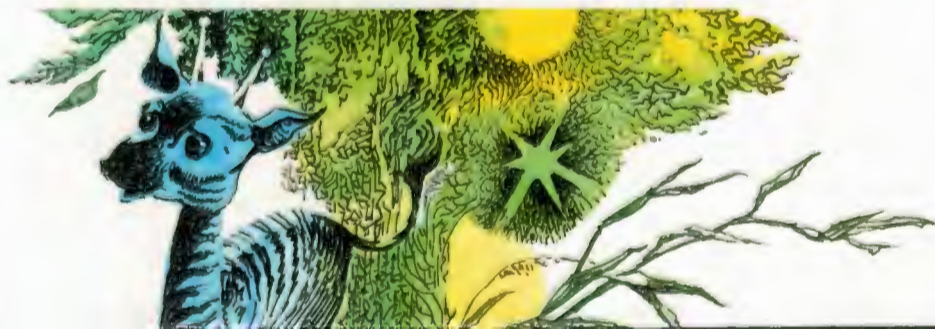
Полосатый

жираф

Алик



*Сказки о парусах
и крыльях*



Владислав Крапивин

*Сказки
о парусах
и крыльях*

Полосатый
жираф
Алик

УРАЛ  ТРАНС
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

1999

УДК 882

ББК 84(2 Рос – Рус)

К 78



**Серия «Ёжик мир»
(библиотека журнала «Ёжик»):**

Сказки о парусах и крыльях

Серия основана в 1999 году.

Художник Е. Стерлигова

Крапивин В. П.

К78 Полосатый жираф Алик: Межзвездная повесть. (Цикл «Сказки о парусах и крыльях») Екатеринбург: Издательский дом «Уралтранс», 1999. 168 с., ил. (Серия «Ёжик мир»)

ISBN 5-93391-001-5 (В пер.)

История про то, как несколько ребят после трагических случаев на Земле оказались жителями затерянного во вселенной Пояса астероидов. Как они стремились вернуться домой и для этого построили из потоков Мирового света парусный корабль...

УДК 882

ББК 84(2 Рос – Рус) 6-4

ISBN 5-93391-001-5

с Крапивин Владислав Петрович, 1999

с Стерлигова Евгения Ивановна,

иллюстрации, 1999

с ИД «Уралтранс», 1999

Второе открытие Антарктиды

Предисловие к «Сказкам о парусах и крыльях»

Репейный остров лежит посреди Сказочного океана. Так, по крайней мере, считают жители страны волшебных приключений, которая называется «Ёжкин мир». Название это придумал для страны Ёжик – неунывающий герой многих сказок...

Однажды на северном берегу Репейного острова собрался народ. Здесь были и звери – жители лопуховых зарослей, и ежевичные гномы, и ребята из ближнего городка Малые Репейники. Друг Ёжика второклассник Генка Респёв всем показывал свою самодельную подзорную трубу. Говорил, что она приближает отдаленные предметы в сто семьдесят три раза. Возможно, он преувеличивал. Но все же многие просили глянуть в трубу. Всем хотелось рассмотреть ныряющих вдали дельфинов и плывущие у горизонта корабли.

Многие говорили, что видят незнакомый берег.

Посмотрел и Ёжик.

В самом деле какая-то неизвестная земля! А раньше там ничего не было...

Было и раньше, только мы не видели, – объяснил Генка. – А сегодня особый день – жаркий и прозрачный. Слои атмосферы создают особый оптический эффект: приподнимают над горизонтом и делают видимыми отдаленные места, крутые берега и строения. Так, например, в пустынях возникают миражи.

– Про это я где-то слышал, – вспомнил Ёжик.

– Еще бы!

*Что такое миражи,
Знают дети и ежи! –*



Второклассник Репьёв был начинающим поэтом и, несмотря на молодость, ученым человеком.

Генку и Ёжика обступили. Всем хотелось услышать, что там вдали за страна и бывал ли на дальнем берегу сам Генка.

Начинающий поэт и ученый человек Репьёв сказал, что не был там. Но слышал и читал о той заморской стране много.

– Называется она Антарктида...

Жители Репейного острова зашумели. Многие учились в школе и знали Антарктида в районе Южного полюса, в другом полушарии, так далеко, что не увидишь ни в какую трубу. И никакой мираж не поможет

Там льды и пингвины!

А здесь в трубу видны зеленые деревья!

И посмотрим-то мы не на юг, а на север!

Это не та Антарктида, где льды, объяснил Генка. – Это страна, которую придумали четыре мальчика из сказки «Летчик для Особых Поручений»: Антон, Аркашка, Тима и Данилка. Из первых слогов их имен и сложилось название... Ребята часто играли в этой зеленой стране, похожей на наш остров. А похожа она потому, что там, как и у нас, много густых зарослей, где живут удивительные звери, волшебники и сказки... Постепенно страна расширялась – в этом ей помогал писатель Владислав Крапивин, он сочинял сказку за сказкой. В придуманной ребячьей стране появлялись разные города: Колокольцев, Ветрогорск, Льчевск, Приморский город и просто Город, в котором происходили загадочные события. Поместил писатель в эти края и свою родную Тюмень, где случались многие сказки его детства. Взять хотя бы историю про Тополиную рубашку...

Дальше Генкины собеседники узнали, что в удивительной стране есть Генеральный меридиан: пойдешь вдоль него и окажешься в других пространствах Вселенной, которая в книгах Владислава Крапивина называется «Великий Кристалл». А еще есть там бесконечная Д о р о г а. Она проходит через все миры Великого Кристалла, и на ней можно встретить давно потерян-

ных друзей и прийти куда хочешь. Можно даже вернуться домой из самых отдаленных межзвездных пространств – как это случилось с героями сказки «Полосатый жираф Алик»...

– А можно нам побывать в той стране и подружиться с ее обитателями? – нетерпеливо спросил Ёжик.

– Конечно! Ведь наш остров и та Антарктида лежат в одном Сказочном океане. Мы попросим ребят из повести о полосатом Алике перебросить между нашими берегами хрустальные мосты, им это ничего не стоит.

– Ура! – обрадовался Ёжик. – И мы нарисуем Антарктиду на карте, где есть наш остров и другие сказочные земли. И будет общий волшебный мир!

– Нарисуем, – согласился Генка. – Но чтобы слишком умные читатели не путались между двумя одинаковыми названиями, надо дать сказочной Антарктиде другое имя...

– Те, кто ее придумал, наверно, не согласятся, – засомневался Ёжик. – И ребята, и писатель...

– Ну... мы попросим назвать ее Новой Антарктидой. Или, как принято на многих географических картах, Н ь ю- А н т а р к т и - д о й.

Так и договорились.

И если читателям интересно, какие приключения случаются в Нью-Антарктиде и в окружающих ее Параллельных Пространствах, пусть читают книги Владислава Крапивина, которые будут выходить в серии «Ёжкин мир» – «Сказки о парусах и крыльях». Среди них есть и те, которые в детстве читали ваши мамы и папы, и написанные совсем недавно.

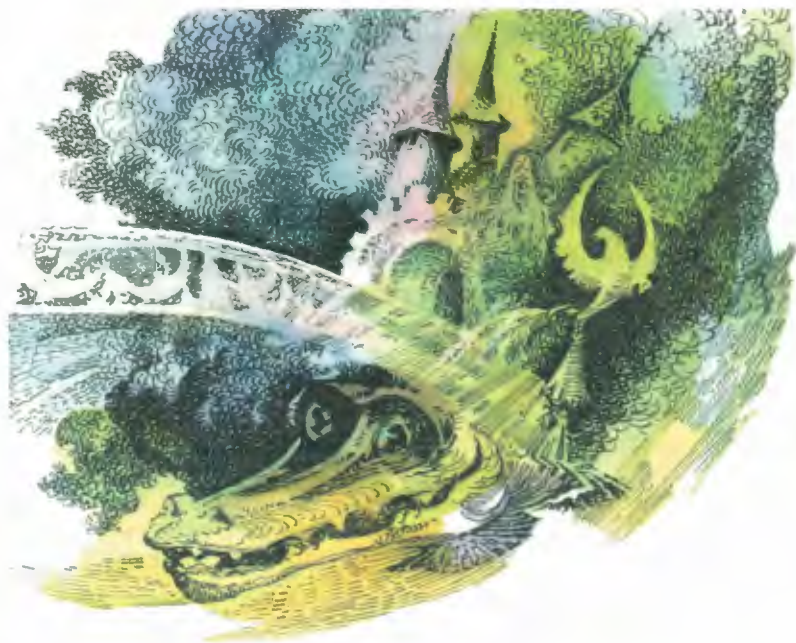
Кстати, эти книги не только для ребят. Многие взрослые их тоже читают и перечитывают. И неплохо собраться как-нибудь у настольной лампы всей семьей и почитать книгу вместе. Не обязательно же каждый вечер неотрывно сидеть перед телевизором. У книжек есть свое волшебство...

Полосатый жираф Алик

Межзвездная повесть







Трава для астероидов

1.

Минька Порох посеял и вырастил на своей планете высокую траву. Понимаете, живую! Под названием «венерин башмачок». Никто сперва не поверил...

Несмотря на грозную фамилию третьеклассник Минька был человек смирный. С белыми ресницами, с негромким голосом и незадиристым характером. Незаметный такой. Когда он учился в школе, порядков не нарушал, успехами в ученье тоже не блистал: в основном троечки, иногда четверки, а пятерки — лишь в самых редких случаях, да и то в основном по пению.

Впрочем, в своем третьем «Б» Минька проучился совсем недолго.

В начале сентября к ребятам прислали студентку. На практику. Она должна была вести уроки, как взаправдашняя учительница. И повела. На последнем уроке, на чтении, она сообщила, что «сейчас будем развивать фантазию», и велела всем ученикам придумывать сказку: один начинает, другой продолжает и так далее. У Миньки ничего не получилось. Он встал, хлопал белыми ресницами и молчал. Смотрел за окошко, где на сухом клене два воробья дрались с облезлой вороной.

Студентка билась, билась с Минькой, а потом не выдержала. Опыта и терпения у нее еще не было. И она высказалась:

— Да, такие, как этот мальчик, пороха не придумают.

А Минька, он хотя и скромный, но не совсем уж полный тихоня. Вздыхнул и возразил:

— А чего меня придумывать, если я и так есть...

Класс, конечно, развеселился. А студентка еще не знала Минькиной фамилии и решила, что он сказал какую-то неприличность. И выгнала Миньку с урока. И даже рюкзачок с учебниками взять с собой не дала, заявила, как настоящая учительница:

— Придешь за ним вместе с родителями, я хочу с ними поговорить!

Минька пожал плечами и пошел. Обидно было, но родителей он не опасался: у них был характер вроде Минькиного.

Школа стояла в Корнеевском тупике, за которым раскинулся пустырь с остатками старых разобранных домов. Он весь зарос высоченными (выше Миньки) травами, которых всегда много на окраинах: полынью, бурьяном, бе-

лоцветом, репейником и всяким чертополохом. Почти все они стояли уже с семенами, особенно много было седых пушистых головок (вроде как Минькина родня). Но кое-где еще виднелись желтые и белые зонтики поздних соцветий. И отдельные, последние цветки венериного башмачка.

Венерин башмачок – это большое, не ниже репейника, растение. У него крепкие и голенастые, как ноги страусов, стебли. И острые листья. Вроде крапивных, только зубчики поменьше. А цветы замечательные! Они всяких красных оттенков – от бледно-розового до пунцового, и форма у них удивительная, вроде звериных мордашек с разинутым ртом. Похоже на луговой «львиный зев», но тот гораздо мельче и желтый...

Взрослые говорили, что венерин башмачок вообще-то комнатное растение, для подоконников, но, видимо, какая-то хозяйка выкинула полузасохший цветок на свалку, а он не погиб и разросся по всем городским пустырям. Этим летом его сделалось не меньше, чем желтого осота и лилового иван-чая.

На пустыре обида вовсе оставила Миньку. Он шел среди зарослей, радовался поздним бабочкам и теплу. День-то стоял совсем летний. Разморенно пахло травяными соками. Кромки подсохших листьев и мелкие колючки покусывали Минькины локти и ноги, но не сильно – шутя и даже ласково. Минька понимал, что так прощается с ним лето. Шел в задумчивости.

Пустырь обрывался у заросшей ромашками канавы, за которой сразу, вплотную, – дорога. Касловское шоссе... Эх, Минька, Минька. Ему бы перейти канаву осторожно и глянуть налево: нет ли машин? А он в рассеянности сходу перемахнул кювет и по инерции – на проезжую часть. Ну и вот...

Ладно, об этом потом. Или лучше не надо совсем.

...В общем, так Минька и оказался здесь. С пухом сентябрьских растений в белобрысых волосах, в мятом своем желто-зеленом костюмчике, похожем на бразильскую футбольную форму, в стареньких, стоптанных за лето кроссовках...

Вскоре оказалось, что фантазии у него и правда мало-вато. Не мог сперва ничего для себя придумать. Ну и что? Это уж у кого какие способности. Другие помогли ему обустроиться. Выбрали планетку, соорудили на ней похожий на голубятню домик – такой, как он просил («Если, конечно, можно...» – «Можно, можно! Тут всё можно. Хоть дворец...» – «Не-е, дворец не надо...»). Напридумывали ему кучу игрушек. Первое время старались не оставлять одного: чтобы не задумывался, не плакал по вечерам. И Минька прижился. Что ему оставалось-то?

А венерины башмачки придумывать на планете Миньке и не пришлось. Однажды он вытряхивал из карманов мусор (давний, земной еще) и нащупал круглую крупинку. Пригляделся: а вдруг чье-то семечко?

На Минькином астероиде (этакая ноздреватая глыба диаметром сто метров) за миллионы лет накопилось немало космической пыли, она вполне могла сойти за почву. И вода была. Не придуманная, настоящая. Однажды Минька запнулся за камень, с досады ударил его пяткой, и вдруг из-под этого булыжника забил родничок.

Минька закопал семечко, полил его из пригоршни. Сел на корточки и стал ждать – как Буратино ждал деревца с золотыми монетками. Только Буратино ничего не дождался, а Минька... Он сидел, сидел, маялся от нетерпения, а потом догадался сжать время в тридцать раз. Это Минька уже умел, дело не хитрое. И вот из космической почвы

полез росток. Раскинул, как ладошки, пару листиков, потом другую. Вытянулся, тронул макушкой подбородок Миньки. Выпустил первый пунцовый цветок.

Минька велел себе не волноваться, потому что сердце колотилось, как посаженная в коробку бабочка. Он встал. Отряхнул с колен рыжую космическую пыль, оглянулся. Из черного космоса светили частые созвездия и мохнатые галактики... Приживется ли «башмачок» на каменном астероиде?

Минька напрягся изо всех сил и придумал над планеткой небесную голубизну. Пустил в нее горячее золотое солнышко. На это у него хватило фантазии! И венерин башмачок обрадованно раскидал вокруг созревшие семена...

Скоро вся громадная глыба покрылась зарослями с розовыми, алыми и даже вишневыми цветами. Минькина голубятня оказалась по пояс в листьях и цветущих макушках, несмотря на то, что стояла на сваях. И запахло жарким июлем.

Вот тогда наконец Минька пригласил соседей. До этого момента он их не пускал, говорил, что делает генеральную уборку. А теперь он высунулся из голубого небесного света по плечи и замахал руками.

– Идите сюда все! Скорее!

2.

Гости от удивления одинаково открыли рты. Ничего подобного в Поясе астероидов никто еще не видал. Молчали целую минуту. Наконец коричневый Локки облизал губы и спросил со своим «цекающим» акцентом:

– Ц-неужели ц-настоящие?

– Конечно, – скромно сказал Минька. – Придумать такое у меня бы пороку не хватило.

Гости стали осторожно трогать цветы и листья.

– Да не бойтесь. Можете гулять и бегать в чаще сколько хочется, – разрешил Минька. Он гордился в душе. – Это живучие растения. Даже если поломаете или сорвете, они быстро отрастут.

И тогда все начали бегать в высоченной траве, хохотали от радости, играли в прятки и в индейцев. Девочки – Алёнка и Сырая Веранда – воткнули цветы в волосы. Веранда сделалась даже немного красивой и перестала шмыгать носом.

Потом устали и собрались на бугристом каменном пригорке среди зарослей. Золотое Минькино солнышко быстро ходило по кругу и не пряталось за горизонт. На пригорке кружились тени.

– Ну, Минька, ты профессор ботаники, – сказал Голован.

Вообще-то его звали Максимом, но прозвище Голован подходило больше. Он был с крупной курчавой головой, скуластый, большеротый. Ходил босиком, в большущей тельняшке и желтых штанах, широких сверху и узких у щиколоток (такой покрой называется, кажется, «бананы»). Короче говоря, Голован был похож на охломонистого пацана с городской окраины. Но был он такой лишь снаружи. На самом деле он за свои неполные тринадцать лет успел прочесть две тыщи книг, участвовал в школьных изобретательских олимпиадах и любил беседовать на философские темы (только собеседников не хватало). Здесь он был самый авторитетный. Конечно, Миньку обрадовала похвала такого человека. Он потупился и начал скромно скрести в затылке.

Но у каждого свой характер, и порой он проявляется как не надо. Неумытый Коптилка вытер под носом подо-

лом замызганной майки, поддернул длинные полосатые трусы (они всегда сползали, где была сила тяжести) и авторитетно объявил:

– Все равно эта растительность не настоящая. Минька поднатужился и придумал.

– Нет же! Ты, Коптилка, это назло говоришь! – вступился Кирилка Санин – Минькин ровесник и справедливый человек. Он всегда раньше других выступал за правду.

Коптилка заправил майку и, глядя поверх голов, повторил:

– Не настоящая.

Аленка тихо сказала:

– Коптилка, как тебе не стыдно. Ты же знаешь: придуманная трава не цветет.

– Если хорошо придумать, зацветет.

Он порой делался ужасно упрямый. Потому что жизнь его раньше была не сладкая. Сколько себя Коптилка помнил, жил он сперва в Доме малютки, потом в интернате для сирот. В первом классе ему повезло, нашлись бездетные муж и жена, усыновили мальчишку, да потом оказалось: не ради любви, а чтобы получить пособие и лишнюю комнату в квартире. Пили, скандалили, поколачивали приемного сына Валерика. Впрочем, не сильно поколачивали, и он был все же рад, что есть дом и родители, хотя и не совсем настоящие. Но потом приемный папаша помер, а жена его, тетя Клава, с горя запила пуще прежнего, продала квартиру и скрылась неизвестно куда. А девятилетний Валерка подался в беспризорники. Куда ему еще было деваться?

Около года он с такими же приятелями болтался по чердакам и подвалам. То попрошайничал, то газеты про-

давал и мыл машины. В ту пору и получил он прозвище Коптилка.

Потом он попался, засадили его в детский приемник. Казалось бы, хуже не придумаешь, но тут улыбнулось наконец Коптилке счастье. Отыскала его незнакомая родственница, одинокая двоюродная тетка, добрая душа. Забрала к себе и рассказала, что Коптилкина мать жива, только далеко она, на севере, «мотает срок» за воровство. А в письмах сообщает, что сроку осталось немного и что она поумнела, хочет одного: чтобы, как выйдет на волю, отыскать сына, которого грудным младенцем, по молодости да по глупости сплвила в малышей приют. Может быть, сын простит ее...

У тетки Коптилка прожил две самые счастливые недели – полный радостного ожидания. И однажды утром пошел на недалекую стройку – поискать среди разрытой сырой земли червяков для рыбалки. Там у съехавшей с рельсов вагонетки стояли двое в беретах, в сером камуфляже и с дубинками.

– Эй, пацан, чё тут шастаешь?

Коптилке, казалось бы, чего опасаться? Не беспризорник теперь, вполне законный человек. Но страх перед милицией сидел в нем с младенчества. Коптилка сперва обмер, а потом – бежать!

– А ну, стой, сямка! – И за спиной: топ, топ, топ!

Коптилка мчался через свалку, где кое-как был зарыт строительный мусор. И вот – ногой за проволоку, виском – о срез железной балки...

...– Нет, не настоящая, – опять сказал Коптилка. И сморщил губы, словно сплюнуть хотел (но не стал, конечно: кто же плюется на несвоей планете!).

На Коптилку зашумели, но Голован поднял руку:

– Каждый может думать, как хочет. Это называется: у всякого своя истина. Только истину надо доказывать делом. Ну-ка, придумай, Коптилка, такие же цветы.

Коптилка помигал и хмыкнул:

– Я же вредный. У меня всякие лютики-малютики не получаются. А живую крапиву могу, будет кусаться пуще правдашней.

– Придуманная не кусается, – сказал Кирилка.

– А моя будет.

– Делай, – сказал Голован.

– А вы разойдитесь пошире.

Коптилка набрал воздуха, уставился кофейными глазами в центр пригорка, вытянул растопыренные немытые пальцы. Забормотал. Присел немного... И прямо на камнях вскинулась крапивная чаща. Такая жгучая на вид, что все попятились. А голый Локки даже запританцовывал и начал чесать бока, будто уже побывал в ядовитой зелени.

– Ага, испугались! – Коптилка сделал из воздуха механическую птичку с радужными перьями и пустил в гущу зубчатых листьев, она там затрепыхалась. – Кто достанет? Бойтесь?

– Никто не боится! – Кирилка Санин шагнул вперед, сунул голую до локтя руку в крапиву. – Ой, мама!..

Он выдернул руку – она в мелких волдырях.

Все примолкли. Потеряно и виновато. Кирилкины честные глаза сделались мокрыми. Аленка подскочила и принялась тереть ему руку, прогоняла боль.

Больше всех был растерян сам Коптилка.

– Кирпичик, ну ты чего... Я не знал, что так будет... Я просто попугать хотел.

На него и не смотрели. Не в Коптилке дело. И не в

Кирилкином ожоге – он ведь на пару секунд. Всех смутил (даже придавил будто) Кирилкин вскрик.

Кирилка и сам это понял. И теперь стоял с опущенной головой, все тер, тер свою руку, хотя она, конечно, уже не болела.

Он, Кирилка Санин, нарушил запрет. Хотя нет, запретов здесь не было никаких. Но было неписаное правило. Называлось оно «Обратной дороги нет». А раз ее нет, не зачем и вспоминать о том, что было раньше. И уж особенно нельзя говорить э т о слово. Иначе опять навалится Серая Печаль – такая, что не продохнуть. Она, как болезнь, поползет от одного к другому и будет тянуться долго-долго, как ни сжимай время...

Неумытый Коптилка покаянно вздохнул, дунул на радужную птичку, и она с металлическим щебетом умчалась в синеву. Коптилка сказал опять:

– Ну чё, пацаны, я же правда не хотел...

Чтобы разбить общее смущение, Голован шумно заговорил:

– Да не ты это, не ты! Это наверняка Рыкко Аккабалдо подстроил, змея такая! Наверно, подслушивал нас и поймал момент, сунул в придуманную травку свою ядовитость. Это вполне в его стиле...

– Рыкко? Ну, ладно! – Коптилка подскочил, кувыркнулся назад и умчался вслед за птичкой. Все решили – это он от виноватости. Попереживает на своей похожей на измятую грушу планете и потом появится как ни в чем не бывало.

Крапива стремительно увядала. Падала и сразу исчезала.

Конопатая Аленка поправила в волосах цветов и тихонько спросила:

– Хотите вареников с вишнями? Я научилась приду-

мывать такие, что они два дня не исчезают. И по правде перевариваются в животе.

Все обрадованно зашумели, что «конечно хотим!» (Глядишь, Серая Печаль и не подкрадется).

– Пошли в мою голубятню, – позвал Минька. И все опять обрадовались: не хотелось покидать планету с венериными башмачками и синевой.

В голубятне светились солнечные щели. Желтые полски от них кружились на полу. Музыкант Доня Маккейчик тут же придумал овальный стол с узорами и точеными ножками (как у рояля). И такие же стулья – на каждого.

Полное имя у Дони было такое, что сразу и не запомнишь – Ардональд. Но не думайте, что он какой-то иностранец. Раньше он жил в Подмосковье и ходил там в музыкальную школу, в класс аккордеона. А сюда попал Доня из больницы, где его пытались вылечить от внезапно открывшейся лейкемии...

Донины стол и стулья все шумно одобрили.

– Ты оставь их мне насовсем, – попросил Минька.

– Пожалуйста. Но это ведь не надолго, они из дерева...

Дерево – органический материал, придуманные из него вещи долго не держатся, рассыпаются на атомы. Другое дело – металлы, стекло, камень. Они – навечно. Впрочем, если дерево придумано очень старое, оно сохраняет длинный срок. Вон Минькина голубятня сколько времени стоит и хоть бы хны. Хотя, с другой стороны, что такое в р е м я на Поясе астероидов...

На столе появились фаянсовые тарелки с рисунком из васильков, а потом такое же блюдо с варениками. Все весело задвигали стулья, начали устраиваться. Локки, прежде чем сесть, по-обезьяньи прыгнул через спинку. Сырая

Веранда глянула на него с привычным осуждением. Наверняка опять подумала: «Не может сделать себе какие-нибудь штаны...»

– Руки-то у всех чистые? – спросила Аленка. Это, конечно, смешно: здесь нет никаких микробов. Но все же правила надо соблюдать. Каждый сообщил, что руки у него чище некуда. Аленка не поверила и вздохнула:

– Тогда налегайте... – Перед каждым появились вилка и блюдце со сметаной. – Локки, подожди, я тебе положу.

– Побольше, ц-пожалуйста...

3.

Локки был худой и коричневый, будто вырезанный из куска сосновой коры. Черные волосы падали на уши сосульками. Лукавые глаза – как большущие ягоды-смородины. Губы толстые, нос башмаком.

Он все время ходил голышом. Девчонки сперва отворачивались и сопели от неловкости, а потом привыкли, будто так и надо. Сырая Веранда, правда, ворчала порой, но не от настоящего смущенья, а по привычке. Чтобы угодить ей, Локки иногда мастерил себе юбочку из травы. Но трава быстро увядала и рассыпалась, а подновлять ее Локки забывал.

Он ведь гулял в таком виде не из вредности или нахальства, а по обычаю. В тех жарких местах, где Локки жил раньше, все пацаны и девчонки так ходили лет до десяти. А ему не было и восьми.

Непонятно, из какого давнего времени, из какого древнего народа он попал сюда. И главное – почему? Наверно, в пространствах случился какой-то гравито-магнитный и темпоральный сбой и Бесцветные Волны пошли не туда. Не к тем астероидам, что предназначены для детей наро-

да Локки, а в иную грань Кристалла Вселенной. Великий Кристалл – он ведь полон всяких странностей, неведомых науке...

Кстати, настоящее имя Локки было такое, что куда там музыканту Ардональд! Коричневого пацаненка звали Цтинотакачтилокки-цдана. Попробуйте запомнить и сказать! Вот то-то...

Не думайте, что он из какого-то полудикого племени. У них там была могучая цивилизация. В городе, где Локки жил с родителями, с братьями и сестрами, населения было не меньше миллиона. Каменные дома, храмы, всякие пирамиды, рынки, театры. И школы... Вот только обычаи там процветали зверские. Жрецы, которые командовали всей жизнью, то и дело заявляли, что для милости богов нужны человеческие жертвы. Обычно для таких жертв брали пленников или бедняков, которые задолжали богачам. Но случилось и по другому.

Однажды долго не было дождей, и жрецы спросили своих богов: чего те хотят? Потом бычьей кровью нарисовали поперек мостовой черту и решили: кто из прохожих первым ее перешагнет, того и отправят на жертвенник.

А жители-то ничего не знали! Тем более ребятишки! И беззаботный Цтинотакачтилокки-цдана вприпрыжку гнал по плитам звонкий бронзовый обруч – такие недавно появились в городе игрушки. И конечно – через черту...

Нет, жрецы не схватили мальчишку сразу. Проследили, где живет, а потом с бубнами и флейтами явились к его дому и объявили «волю богов».

Мама тут же упала без чувств. Отец – он был покрепче и чтит законы. Встал на колени и благодарил жрецов за великую честь, оказанную его сыну: мальчишке суждено спасти от засухи великий народ Цтаанатаиннакоа-ката...

А Локки сперва ничего не понял. Даже интересно было, как его обрядили в яркие длиннополые одежды и под музыку водят по улицам, а люди воздевают руки и падают ниц. Но скоро он сообразил, что к чему, обмер от страха и попытался бежать из храмовой комнаты для почетных жертв. Но разве от жрецов скроешься!..

Наутро беднягу привели на площадь перед громадной ступенчатой пирамидой (чья вершина упиралась во владения Пернатых Владык). На площади, несмотря на солнечный свет, чадили сотни факелов. Гудели бубны. С Локки сняли парадные одежды (чтобы не запачкать; глядишь, пригодятся для другого). Положили его, ревающего от ужаса, спиной на выпуклый камень-жертвенник, дядька в золоченом колпаке взял кривой бронзовый нож...

Локки так и попал на астероиды – с черно-красной квадратной дырой в груди, где не было сердца.

Конечно, скоро сердце выросло, рана закрылась, коричневый мальчишка повсхлипывал, пооглядывался и – как все – начал привыкать.

Скоро научился Локки языку, на котором говорили остальные. Пытался учить новых друзей своему, но только Голован и Доня усвоили несколько фраз. Остальные – никак. Потому что не язык, а какое-то сплошное «та-та-каканье» и «цеканье»...

Ну, Локки начал разговаривать на выученном языке и рассказал свою историю. Конечно, вы можете удивиться: как рассказал, если на астероидах не принято говорить о прошлом? Да, не принято, но иногда приходится. Если попадаешь сюда впервые. Должны же обитатели здешнего мира знать друг про друга: кто откуда?..

Локки с первых дней почти не скучал. Сначала он решил, что попал с жертвенного камня прямо в звездное

жилище богов. А когда разобрался, что к чему, сильно тосковать было уже поздно. Хотя кто знает, может, и он потихоньку плакал иногда перед сном в своей хижине...

А сейчас Локки за обе щеки уплетал почти настоящие вареники и каждые полминуты просил еще. Его щеки были перемазаны вишнями и сметаной, он похлопывал по животу. Живот сделался выпуклым, как набитая коричневая сумка с кнопочным замком.

– В конце концов ты лопнешь, – пообещала Сырая Веранда голосом старинной гувернантки.

– Ну и ц-што ц-такого? Лопну и опять склеюсь... Аленка, ц-дай еще...

Однако новый вареник он проглотить не успел. По Вселенной разнесся яростный рев. По всем, даже самым глухим пространствам. От него закачались, как елочные игрушки, отдаленные галактики и зашаталась Минькина голубятня.

Все подскочили, а музыкальный Доня поморщился. Он терпеть не мог таких вот негармоничных звуков.

– Опять этот Рыкко...

Да, безусловно, это ревел «великий и непобедимый, грозный и безжалостный, черный и многолапый» Ужас Вселенной – Рыкко Аккабалдо.

Разумеется, в пространствах почти нет воздушных масс и обычные звуковые волны в них не проходят. Но зато хватает всяких других – магнитных, радио-космических, гравитационных, электрических и таких, у которых пока нет названий. Жители астероидов прекрасно слышали их – так же, как на Земле слышат обычные звуки. И вот, Рыкко Аккабалдо ревел на всех этих волнах, причем сквозь ярость пробивались жалобные нотки.

– Чегой-то со стариком не того, – сказал Голован,

дожевывая вареник. – Азотную комету опять проглотил, что ли?

Но оказалось, что дело не в комете.

Скоро появился Коптилка и все стало ясно.

4.

Чумазый Коптилка светился удовольствием. Он молча набросился на вареники и жевал их с таким шумом, что у других чмокало в ушах.

– Рассказывай, – велел Голован. Все уже понимали, что вопли «великого и непобедимого» – результат каких-то Коптилкиных дел. (Кстати, приглушенные стоны и ворчание Рыкко все еще были слышны).

Коптилка дожевывал вареник и рассказывал.

Вот что было. Когда он улетел с Минькиной планеты, то отправился не к себе, а на поиски Рыкко Аккабалдо. Найти «грозного и безжалостного» было нетрудно – тот улегся отдыхать и похрапывал так, что эхо отзывалось во всех пространствах.

Рыкко соорудил себе лежбище из пушистых магнитных полей и растянулся между галактикой Желтая Сковородка и туманностью Большой Омлет (это Голован придумал такие названия). Он любил принимать иногда громадные размеры, потому что страдал (опять же по словам Голована) манией величия. Не понимал «черный и многолапый», что это смешно и бесполезно. Ведь Вселенная-то бесконечна, в ней раздувайся хоть до каких размеров, все равно с Бесконечностью не сравнишься.

Перед ней, перед Бесконечностью, одинаковы микроб и самое громадное скопление галактик.

А может, Рыкко Аккабалдо хотел поразить своими размерами жителей астероидов? Но те умели вырастать

до любых размеров не хуже Рыкко. Только редко делали это, не было смысла.

Но на этот раз Коптилка поднатужился и вырос – так, чтобы сделаться ростом хотя бы с одну из лап Рыкко. Лапы эти, похожие на черные человечесьи ступни, свисали с магнитного матраса по сотне с каждой стороны – как бахрома из пяток и пальцев. Драконий хвост свисал тоже и терялся где-то в созвездии Три Обезьяны. Крокодиля пасть была открыта и при каждом похрапывании выпускала светящийся пар, похожий на клочья Млечного Пути. Лежал Рыкко кверху выпуклым пузом. Пуп его был похож на кратер погасшего вулкана. Рыкко любил, когда его пузо щекочут лучи ярких созвездий.

Коптилка выбрал неподалеку осколок твердого прозрачного пространства, умело смастерил из него большую выпуклую линзу и подобрался к Рыкко снизу (то есть со стороны свисающих лап). Линзой он сфокусировал свет полутора миллионов звезд. Когда их лучи рассеяны, они лишь щекочут. Но если собрать их вместе... Коптилка собрал и направил этот луч на одну из толстых черных пяток.

Тогда-то Вселенная и содрогнулась от рева...

Коптилка окончил свой рассказ и с видом скромного героя взялся за новую порцию вареников (они на блюде не убывали). Сперва раздался общий хохот. Даже Сырая Веранда улыбнулась. А Локки, тот взлетел на спинку стула, сделал стойку на руках и от восторга заболтал ногами. Но очень скоро хохот притих. Угас. Почему-то все странно примолкли. И Коптилка, зажав вареник в зубах, с удивлением вертел головой: что такое с друзьями?

А те смотрели виновато.

– М-да, Коптилка... – вздохнул наконец Голован. – Победителей, конечно, не судят, но...

– Что «но»? – Коптилка обиделся и положил надкушенный вареник на тарелку.

– Нехорошо как-то, – нерешительно сказала Аленка.

– Что плохо? – взвизгнул Коптилка. – А подпускать ядовитость в придуманную крапиву хорошо? Кирилка вон как... завопил...

Кирилка поднял серые честные глаза. И смущенные, и... твердые. Он так смотрел, если надеялся кого-то убедить в справедливости. А делал он это часто. Даже в ту минуту, когда к ним в третий класс ворвался бандит и заорал, махая автоматом, что всех берет в заложники и пусть ему дадут самолет и миллион долларов, а пока не дадут – всем сидеть и не пикать, Кирилка попытался доказать правду: «Но послушайте, пожалуйста, мы-то здесь при чем? Ведь не мы же виноваты в ваших несчастьях. Ведь...» – «Ма-алчать!» – и псих нажал спуск.

Но это случилось давно. Нынешний же случай был, конечно, не страшный, а пустяковый. Однако Кирилка и теперь смотрел очень серьезно.

– Понимаешь, Валерик, это ведь Р ы к к о подсунул нам ядовитость. Потому что он т а к о й. Но мы-то не такие. Зачем нам быть как он...

Коптилка тяжело сопел. Его немытые уши заметно порозовели.

Сырая Веранда сказала:

– А по-моему, так этому Рыкко и надо.

Аленка возразила:

– Но ведь он спал...

Музыкант Доня, который очень любил книжку «Три мушкетера», поддержал Аленку:

– Надо вступать в бой открыто, а не со спины. И не с пятки...

– Да, – сказал свое слово и Голован. – Крапивная ядовитость, это, конечно, «казус белли», то есть повод для войны. Но войну надо начинать с объявления.

– А он-то! – опять возмутился Коптилка, но неуверенно. – Он-то разве нам объявлял?!

Минька Порох молчал и хлопал белыми ресницами. По правде говоря, ему нравилось то, что сделал находчивый Коптилка. И зачем каждый раз объявлять этому коварному Рыкко войну, если она и так идет давным давно? И нападение со спины (и с пятки) на войне дело обычное и справедливое. Но... вот Кирилка сказал: «Мы-то не так и е». И в его словах была какая-то более «справедливая справедливость».

А Локки сидел на спинке стула, как мартышка, и ничего не понимал. Его государство Цтаанатаиннакоа-ката и соседние страны никогда не объявляли войну своим врагам. Наоборот, считалось великой доблестью напасть на другой народ неожиданно, уничтожить врагов, пока те не успели взяться за мечи, а уцелевших обратить в рабов... Но, с другой стороны, Локки понимал: он в здешней компании самый маленький и не самый умный. Лучше помолчать.

Минька наконец пришел к определенному мнению:

– Ты, Коптилка, вообще-то молодец. Только надо было сначала крикнуть в пространство: «Ну, погоди, Рыкко, мы тебе это припомним! Берегись!» И тогда уж...

– Подумаешь, пригнали ящерице пятку, – буркнул Коптилка. – Что мне теперь, колотиться башкой о самый большой астероид?

– Не надо колотиться, – сказал Кирилка. – Ты слетай опять к Рыкко да извинись.

– Че-во-о-о?! – Коптилка вытаращил глаза.

– Вот тебе и «чего», – подвел итог Голован. – Кирилка прав. Извинись. Чтобы, так сказать, стабилизировать межзвездную обстановку и не нарушать гармонию Великого Кристалла.

– Ненормальные, да? – жалобно спросил Коптилка.

– Не упрямясь, – сказал Доня Маккейчик. – Ты же всё понимаешь.

– Ничего я не понимаю! Привязались...

Но он уже понимал: никуда не денешься. А ребята понимали Коптилку: конечно, извиняться всегда неловко, особенно перед врагом, которому прижег пятку.

– Что мне теперь? Канючить как перед завучем в интернете: «Простите, я больше не буду»? – В сердцах Коптилка даже вспомнил прежнюю жизнь, но сейчас на это не обратили внимания.

– Можно использовать и другие выражения, – посоветовал Доня Маккейчик. – Не терять достоинства.

– Ага, не терять! Он обещал, что, если кого схватит, уши надерет!

Здесь наконец вмешался Локки:

– Как же он схватит? Надень скафандр из скользящих полей!

Коптилка посопел:

– Будто не знаете. Когда извиняешься, скользящие поля не действуют... А еще он обещал взгреть своим хвостом. Помните, какой у него хвост...

Хвост помнили. Толстый и могучий в начале, он к концу сужался до толщины (вернее, до тонкости) обычного прута, и были на нем зубчики.

– Ты ведь можешь сделать т о м е с т о нечувствительным, – посоветовал Минька.

– Да-а... а душу-то не сделаешь нечувствительной. На ней все равно останется рана. Душевная...

– Уж будто ты не извернешься, – сказал Голован. – Хватит тебе хныкать, извинись и дело с концом. Скажи, что мы, мол, все сожалеем...

– Я не сожалею, – вставила Сырая Веранда.

– Скажи: «Мы почти все сожалеем»...

Коптилке что делать? Против общества не попрешь. Можно, конечно, плюнуть и запереться в своем кирпичном, похожем на старую котельную доме на долго-долго, да только себе дороже. Глядишь, Серая Печаль тут как тут...

– Давят, понимаете, целым коллективом, – пробурчал Коптилка. – Все на одного. – И приготовился умчаться сквозь пространства для объяснений с «этой зловредной ящерицей».

– Постой, – велела Аленка. – Неприлично извиняться в таком виде.

– В каком еще виде!

Стой, говорю... – Она сжала губы, сморщила конопатый нос, уперлась в Коптилку строгими глазами. У того исчезла с ушей космическая пыль и сажа. Волосы сделались как после парикмахерской. Полосатые трусы превратились в черные отглаженные брючки, а майка – в белую рубашку с синим галстучком. На босых ногах появились синие носки и плетеные сандаletки.

Коптилка глянул на себя со стороны как в зеркало, и содрогнулся:

– С ума сошла!

– Иди, иди, – тихо велела Аленка.

Голован хмыкнул и тоже сказал:

– Иди уж...

Коптилка плюнул с досады и улетел.

А в пространствах все еще было слышно, как постанывает и кряхтит «черный и многолапый» Рыкко Аккабалдо. Конечно, уже не от боли. Боль-то он слизнул и успокоил в одну секунду. Но обидно же...

5.

Рыкко Аккабалдо был странное существо. Вернее, «существо-вещество-естество» – так он сам называл себя. Существо – потому что живая мыслящая личность. Вещество – потому что он, Рыкко, состоял (по его словам) из всех веществ, которые только есть во Вселенной. А естество – это его натура, его характер. Какой именно характер – вы и сами уже поняли.

Рыкко Аккабалдо мог принимать любой облик – ну, прямо как людоед в сказке про Кота в сапогах. Мог превратиться в межпланетного оранжевого комара, а мог в гигантского осьминога или в змею длиною в сто пространств. Но больше всего он любил быть чудовищем, похожим на громадного крокодила с сотней лап, зубастой пастью и чешуйчатой спиной. На спине сквозь чешую торчали рога и зубья и росла кустами рыжая шерсть.

Голован говорил, что Рыкко, скорее всего, обычный сторожевой дракон из пространства Черных Пирамид. Такие драконы там охраняют вход в спиральную воронку, ведущую в Абсолютное Ничто. Какое это пространство, зачем там непонятные пирамиды и что такое Абсолютное Ничто, Голован не знал. Когда-то, еще на Земле, он читал про такие вещи в книгах из серии «Загадки странных миров», но во всех загадках разобраться не успел. Однажды он с такой книжкой шел из библиотеки. Четверо «крутых» спросили, есть ли у него деньги. Денег не было. Четверо

спихнули Голована с моста в речку Волчанку, в ледяную воду. Из речки Голован выбрался и даже раскисшую книжку не потерял. Но с навалившейся после этого простудой справиться не смог...

И теперь здесь, на астероидах, Голован часто рассуждал о разных космических проблемах.

Насчет Рыкко он «выдвинул гипотезу», что «этот тип» по вредности характера не ужился с другими драконами, и его выгнали из пространства Черных Пирамид.

– Или сам ушел в другие миры. Потому что индивидуалист. Отыскал во Вселенной такое пространство, где никого похожих на него нет, и объявил себя единственным и неповторимым...

В самом деле, Рыкко Аккабалдо заявлял не раз, что он единственное в Мироздании такое вот черное и бесконечно громадное существо-вещество-естество. Мало того! Он объявил себя носителем Мирового Зла.

– Потому что, – рычал он, – Зло так же необходимо, как Добро. Для равновесия Вселенной. Без такого равновесия она рассыплется и наступит конец света.

Тут он, разумеется, загибал. Как ни раздувайся, а для носителя Мирового Зла он был мелковат. Да и не в драконах Мировое Зло. Оно, к сожалению, рассеяно по всему свету (как и Добро, конечно), поэтому с ним так трудно бороться. А Рыкко... Он был, скорее, носителем Мелких Вредностей и Пакостей. Так ему однажды и сказал Доня Маккейчик.

Рыкко тогда ужасно разъярился, дотянулся хвостом до трех стеклянных мостов, которые Доня построил ради интереса и красоты между необитаемыми астероидами, и разнес их вдребезги. Доня в ответ на эту выходку пожал плечами. Сказал, что придумает мосты лучше прежних и



окружит их таким защитным полем, что Рыкко обломает о него свой хвост и клыки. И придумал...

А еще раз Рыкко отчаянно рассвирепел, когда Минька Порох сложил про него дразнилку (все-таки иногда фантазия у Миньки проявлялась):

*Рыкко стукнули кувалдой,
И теперь он – вот беда! –
Стал не Рыкко Аккабалдо,
А простая рык-балда!*

Доня Маккейчик тут же сочинил на эти слова музыкальный мотив, и жители астероидов (кроме Сырой Веранды) распевали обидную песенку на все пространства. Рыкко бесновался так, что тряслись созвездия, а несколь-



ко астероидов сошли с орбиты и улетели из Пояса. Он орал, что поймает «малолетних преступников и паршивых сочинителей» поодиночке, открутит им головы, ноги и руки и превратит обидчиков в атомную пыль с отрицательными зарядами ядер.

Но поймать Рыкко никого не мог. Все, даже Сырая Веранда, умели делать из скользких магнитных полей невесомые и невидимые скафандры. Эти скафандры были придуманы очень хитро. Они появлялись на «малолетних преступниках» в тот миг, когда Рыкко протягивал к ним лапы (даже если внезапно, через несколько пространств). И добыча ускользала у «носителя Мирового Зла» между пальцев, как сосулька. За это Рыкко обзывал своих противников склизкими лягушатами.

Порой между ребятами и Рыкко велись настоящие бои. Аленка и Веранда в них не участвовали, а мальчишки носились вокруг ревающего «существа-вещества-естества» на управляемых кометах и обстреливали его из рогаток мелкими астероидами. Конечно, большого вреда для Рыкко в этом не было, он ведь не хуже ребят умел строить защитные поля. Но порой в таких полях попадались дырки. Если астероид попадал в дырку, Рыкко ревел и зализывал шишку, а его противники радостными воплями отмечали военный успех.

В отместку Рыкко рушил постройки, которые ребята возводили на астероидах и вокруг (если, конечно они забывали про защитное поле или делали его слабым). Насылал полчища кусачих оранжевых комаров (которые, впрочем, не могли прокусить скользкие скафандры). Подслушивал разговоры и вставлял ехидные замечания.

Минька сперва опасался: не уничтожит ли Рыкко верерин башмачок? Ведь не будешь все время держать пла

нету в защитном коконе! Но скоро стало ясно: повредить настоящей, непридуманной траве Рыкко не может.

Случалось, что Рыкко Аккабалдо был настроен мирно. Иногда он даже снисходил до бесед с «этими бестолковыми лягушатами». С Голованом он рассуждал иногда о строении Великого Кристалла Вселенной, о хитростях потока Времени и о загадках плоских пространств, где «третий вектор равен нулю, но искривленность плоскостей такова, что выше всякой фантазии и создает эффект многомерности...»

А один раз они заговорили про Абсолютное Ничто. Рыкко сидел в гигантском каменном кресле, которое вращалось в гуще созвездий. Он развалился, закинул сотню левых ног на сотню правых и снисходительно вещал:

– Так и быть, открою вам, головастики, одну из великих тайн Мироздания. Абсолютное Ничто – это всего лишь выдумка древних мудрецов, которые любили заниматься бесконечными рассуждениями о всякой ерунде и высасывать свои идеи из пальца... Ну, скажите на милость: что такое это **А б с о л ю т н о е Н и ч т о** по вашему разумению?

– Наверно, это абсолютно черная пустота, – подал голос Доня Маккейчик.

– Ха! Ха! Ха! Если вы эту черноту видите и представляете, значит, она е с т ь. Значит, она уже не **Н и ч т о**! В том-то и дело! **Н и ч т о** – это когда н и г д е н и ч е г о нет. Даже черноты и пустоты! А кто может увидеть это и доказать?

– Ну, кто-нибудь. Не все ли равно? – неуверенно сказал Голован.

– Опять ха-ха-ха! Если есть «кто-нибудь», значит, понятие «Абсолютное Ничто» абсурдно. Как же оно «абсо-

лютное», как «ничто», если в нем кто-то или что-то есть? А?.. Вот поэтому я и покинул то дурацкое пространство Черных Пирамид. Какой смысл караулить дыру, в которой будто бы есть то, чего на самом деле нет!

– Про Ничто вообще бессмысленно говорить «есть»-или «нет», – вставил свое суждение Голован.

– Тем более! Это ты верно заметил, – одобрительно закричал в кресле-астероиде Рыкко. – Я вижу, как в кое-ком из вас появляются признаки некоторого здравомыслия. Беседуйте со мной почаще, и, может быть, постигнете кое-какие закономерности Мироздания. Если я, конечно, до той поры (ха-ха!) вас не сожру...

Все развеселились и стали наперебой разьяснять Рыкко, что сожрать их невозможно. Пусть попробует схватить!

– А я не буду хватать! Проглочу на лету!

Опять смех. Ну, проглотит! Ну, посидят они внутри у «черного и многолапого». Противно, конечно, да уж как-нибудь выдержат в своих спецскафандрах. А потом придумают «дыробитную машину» и вырвутся наружу. А Рыкко будет заштукатуривать в своем пузе пробоины, сделанные изнутри.

Рыкко Аккабалдо кончиком хвоста почесал пузо, сказал: «Ну вас», – и улетел за созвездие «Два Кота». А каменное кресло его чуть не обрушилось на планету Сырой Веранды (вот опять слез-то было бы!). К счастью, Голован успел разнести эту «мебель» в пыль из придуманной в одну секунду ракетной катапульты...

6.

Коптилка вернулся от Рыкко довольно быстро. Слегка потрепанный и с частым дыханием. Шумно приземлился перед Минькиной голубятней. Он был в одной сандалиии.

Вторая прилетела следом и стукнула Коптилку по спине. Он оглянулся и погрозил в пространство кулаком.

– Ну? – сказал Голован.

– «Ну», «ну»! Рога бараньи гну... – Коптилка с сопением надел сандалию. – Он даже слушать не стал. Заорал сразу: «Нужны мне ваши извинения как клизма с жидким азотом! Мошкарка сопливая! Все равно вы мне когда-нибудь попадетесь! Я теперь объявляю вам войну на веки вечные, без всяких перемирий!» И на меня! Лапы растопырил... А скафандр-то не работает...

– Подумаешь, «без перемирий» он объявляет, – хмыкнула Веранда.

– Ну и фиг с ним, – сказал Минька Порох.

– Я вам говорил, что бесполезны эти дурацкие извинения, – хмуро напомнил Коптилка. Хотя и не говорил такого.

– Все-таки ты хорошо сделал, что попытался извиниться, – успокоил его Кирилка. – Теперь уже не мы виноваты, а он.

– Да, – решил Голован. – Мы изменили ситуацию в свою пользу.

Коптилка подергал на груди галстучек, надул щеки и превратил белую рубашку в привычную замызганную майку... но... глянул на Аленку и сердито превратил майку обратно.

Голован зевнул:

– Скоро уже спать пора.

Конечно, здесь не было дня и ночи в привычном понимании. Но ложиться спать и просыпаться все старались в одно время. Потому что трудно существовать совсем без всяких правил.

Аленка подошла сбоку к насупленному Коптилке и шепотом попросила:

– Валерик, ты не мог бы дать мне твоего жирафа? Я вечером поиграю, а утром отдам...

В прошлом рассказе про Коптилку – как он появился на астероидах – оказалась пропущена одна деталь. Дело в том, что Коптилка убегал от мужиков в камуфляже не из-за пустого страха. Он боялся, что отберут игрушку, скажут: «Ты ее украл!»

А он ее нашел!

На свалке, кроме строительного мусора, хватало всякого другого барахла – поломанной мебели, битой посуды, рваных матрасов и тряпья. И вот среди автомобильных покрышек и лопнувших цветочных горшков Коптилка увидел старую, местами порванную тряпичную игрушку.

Это был жираф. Туловище размером с кошку, а шея длиннющая, и на шее головка – улыбчивая и симпатичная, как у добродушной козы. С круглыми кожаными ушами и синими глазами-пуговками. Были еще рожки из деревянных палочек и деревянные же копытца.

Вообще-то жирафы пятнистые, но этот оказался полосатый, сине-белый. Наверно, из старой тельняшки. Скорее всего, его сшили девчонки, что занимались в кружке мягкой игрушки, в детском клубе «Ласточка». Недавно клуб закрыли, всякое старое имущество отправили на близкую свалку. Видимо, этим путем сюда и попал истрепанный, никому не нужный жирафёнок.

У Коптилки сроду не было своих игрушек. В интернатах и детприемниках они ведь общие. А тут – вон какой подарок! И Коптилка сразу решил, что назовет полосатого жирафчика Аликом – в память о теткинском одноухом коте, к которому он, Коптилка, успел привязаться, но который несколько дней назад исчез из дома...

Шея у жирафа болталась, и Коптилка вставил в нее алюминиевую проволоку, которую подобрал тут же. Так он и стоял с Аликом на руках – туловище у груди, шея на плече, жирафья головка тыкается губами в ухо – когда парни с дубинками окликнули его. Окликнули – и он побежал... И оказался здесь вместе со своей единственной в жизни игрушкой.

...Жители астероидов могли придумать любые игрушки. Говорящих роботов, веселых бородатых гномов, конструкторы с хитроумными деталями, ковбоев со старинными револьверами, ласковых плюшевых котов и мишек, шахматы с шагающими фигурами, механических лошадей в натуральную величину, которых можно запрягать в золоченые кареты... Ну, короче говоря, всё, что угодно. Живые существа не получались, а игрушки – сколько хотите! И они не исчезали, это ведь не стебельки и листики...

Но вот беда – развлечения с такими игрушками быстро надоедали.

А потрепанный жирафчик Алик, неумело заштопанный Коптилкой, не надоедал. Он был *н а с т о я щ и й*. Он был *о т т у д а*. Тот, кто оставался с Аликом один на один, порой прижимал его к груди и что-то шептал в маленькие уши, сделанные из кожаных язычков от кроссовок. Это, когда Коптилка разрешал другим поиграть со своим жирафом. Все любили такие игры, в том числе и серьезный, знакомый со всякими науками Голован. Но Коптилка даже на короткое время отдавал Алика неохотно.

Вот и сейчас он в ответ на Аленкину просьбу насутился:

– Чего тебе приспичило именно сегодня? Потом как-нибудь...

Он уже представлял, как уляжется с Аликом в своем кирпичном жилище на подстилке из свежего сена (хотя и придуманного, но пахучего, почти настоящего – до утра его хватит) и будет рассказывать полосатому другу... Ну, что рассказывать, это тайна... А кроме того, Коптилка вдруг забоялся: даст он жирафа Аленке, а другие поймут – он относится к ней не так, как к другим. А он что?.. Подумаешь, сделала для него рубашку с галстучком! Он бы и сам смог, если бы захотел.

Аленка молча отошла. Она была тихая, но с самолюбием. Раньше она занималась в балетной студии, но бросила ее, потому что обиделась на даму-педагога, на бывшую балерину из областного театра. Та однажды во время занятий сказала Аленке:

– Девочка, у тебя есть кое-какие способности, но маловато темперамента. Надо двигаться, двигаться!.. – и хлопнула Аленку между лопаток. В общем-то дело обычное, но Аленка села на скамейку и стала развязывать тесемки балетных туфелек.

– Я от вас ухожу...

– Ах, какие мы гордые! По-моему, ты просто лентяйка. А балет – это труд, труд и еще раз труд!

– Ну и трудитесь. А я раздумала быть балериной.

– И кем же ты будешь?

– Домохозяйкой, – буркнула Аленка и пошла в раздевалку. Там она услышала, как бывшая актриса балета сказала помощнице: «Ну и пусть. А то представляете, сколько грима пришлось бы изводить перед каждым спектаклем». Эта дама, конечно же, намекала на Аленкины веснушки. Про таких, как Аленка, говорят: «Загорала сквозь решето». А еще правильнее сказать «сквозь тёрку». Аленкины веснушки сидели на лице равномерно, однако не очень часто. Были

небольшие и одинаково круглые. Ничуть они Аленкин портрет не портили, она была симпатичная.

Она попала сюда с самолета, когда возвращалась из Симферополя, где гостила у родственников. Летела одна, вернее, со случайными знакомыми. Самолет грохнулся в километре от посадочной полосы. Что стало с другими пассажирами, Аленка не знала, а сама – вот, здесь...

С той поры в астероидной компании оказались две девочки. Вторая – Сырая Веранда. Так ее прозвали за то, что глаза всегда мокрые и красные. Кто-нибудь скажет ей что-то не по душе – и сразу сырость. Вот такой характер. Смялась она редко, а дулась почти все время.

Была Веранда длинная, носатая, с жидкими пепельными косами и тощей шеей. Все платья, которые она себе придумывала, висели на ней наперекосяк. Она подолгу сидела одна-одинешенька в своем каменном домике на рыжей от космической пыли планетке. И ничего не придумывала для украшения жилища.

Даже когда Доня и Голован предложили соединить все астероиды хрустальными мостами и пустить по ним старинную железную дорогу с медным паровозом и разноцветными вагонами, Сырая Веранда от такого соединения отказалась, буркнула:

– Вот еще... – И глаза ее намокли.

– Что за натура, – говорил иногда Голован.

А справедливый Кирилка Веранду оправдывал:

– Каждый ведь имеет право на свой характер. Пусть...

Конечно, Сырой Верандой и даже просто Верандой звали ее за глаза. Вообще-то она была Вероника Донцова. Про ее прежнюю жизнь известно было немного. Дело в том, что Вероника попала сюда первая. Потом уже – Голован. Он с трудом дознался у длинной плаксивой девчонки,

что был у нее неродной отец, на которого она однажды сильно разозлилась. Ушла на кухню, открыла аптечку и назло отчиму и матери выпила что-то такое, от чего врачи спасти ее не смогли...

Аленка с Верандой не очень-то дружили, хотя и не ссорились (здесь вообще ссор почти не бывало). Чаше Аленка играла с мальчишками. Веранду это, конечно, огорчало...

7.

Когда Коптилка не дал Аленке жирафа, она не стала просить снова. К ней сразу подошел Доня.

– Давай, я поучу тебя играть на аккордеоне. Ты ведь хотела.

– Давай, – кивнула она.

Они перепрыгнули на Донинову планету, где стоял домик, похожий на полукруглую садовую эстраду. Доня принес аккордеон. Инструмент был придуманный, но в точности как настоящий. Доня был в белых брюках и белой рубашке с зеленой «бабочкой» в горошек. А что, не таскать же ему вечно на себе больничную пижаму, в которой он попал сюда!

Сели на каменную скамью со спинкой в виде разлапистой лиры (это такой древний музыкальный инструмент). Белые мохнатые созвездия над головами светили так, что от них веяло теплом. Но Доня взглянул на них с неудовольствием. Наморщил лоб и сотворил над своей планеткой небесную голубизну – почти как у Миньки. Потом рассеял в ней вечернюю желтоватость, а по краю неба пустил закат.

– До чего красиво, – вздохнула Аленка. – Прямо как...
– И виновато замолчала.

Доня сделал вид, что ничего не заметил. Сотворил из кусочка заката оранжевое полотенце.

– Накрой ноги, а то меха будут щипать за колени.

– Спасибо...

Скоро (здесь все бывает скоро, если хочется) Аленка уже вполне освоила инструмент. И умело заиграла вальс «Амурские волны». Сквозь вечерний небосвод осторожно просунулись головы. Даже Рыкко Аккабалдо перестал сопеть в пространствах, тоже слушал.

Потом сквозь закат полностью пролез Коптилка с жирафом на руках.

– На, держи... Лучше уж играй с ним, чем на этой скрипучей шарманке. – Повертел головой и объяснил всем: – А то ведь никак не уснуть от такого концерта.

– Спасибо, Валерик! – Аленка быстро отдала аккордеон Доне и прижала Алика. Потерла его мордочкой свои щеки и губы.

На Коптилку никто не обиделся за слова про «скрипучую шарманку». Знали, что это он от смущенья. Аккордеон же был совсем не скрипучий, и музыка хорошая. И Доня продолжил концерт. Заиграл вступление к старому фильму «Дети капитана Гранта». Конечно, это было не по правилам: такая музыка (как и «Амурские волны») была н а - п о м и н а н и е м. Но куда денешься? Ведь совсем без музыки нельзя, а новую, здешнюю, Доня еще не придумал. Бывало, он что-то сочинял, но до сих пор получалось у него к а к р а н ь ш е.

Все, кто глядел сквозь небо, теперь приземлились вслед за Коптилкой и сели на теплый песок перед скамейкой. Слушали. Веранда промокала глаза кончиком тощей косы, но теперь никто на нее не досадовал.

В закатном небе после «десанта» остались дыры и

делались все шире. В них из черноты опять смотрели белые мохнатые звезды. Впрочем, хватало и голубых, и зеленых, и розовых...

Потом вечернее небо рассосалось окончательно (видимо, Доня соорудил его лишь на полчаса, для Аленки), и всех опять окружил привычный космос. Он смотрел на ребят и сверху, и с боков, и даже снизу – планетка-то была крошечная

А Доня играл... И вдруг перестал. Что-то случилось.

Ч т о - т о с л у ч и л о с ь в наступившей резкой тишине. Что?

Тишина была не полная. Посапывала Веранда. Издалека долетал тихий скрип: терлись друг о дружку боками две сошедшиеся вплотную спиральные галактики. Но не в этих звуках дело. Вообще не в звуках...

Первым догадался Локки. Пружиной взлетел с песка!

– Ц-новичок! – И метнулся на большой астероид из аметистовых кристаллов.

По какому-то закону (знать бы все эти законы!) т а - к о е всегда случалось именно здесь. На прозрачно-синей планетке, на квадратной каменной площадке, лежащей среди громадных аметистовых друз. По краям площадки горели два фонаря старинного вида, на чугунных узорчатых столбах.

Новичок всегда прилетал на эту площадку.

Вот и сейчас...

Но...

– Девчонки, не смотрите, – быстро велел Голован. – И ты, Кирилка...

Потому что Кирилка был хотя и самый честный, но и самый чувствительный среди мальчишек.

Девочки и вправду сразу зажмурились, а Кирилка смотрел широченными глазами. И будто глотал колющие комки.

Дело в том, что новичка не было. То, что б ы л о, нельзя назвать новичком. И вообще кем-то... Что остается от человека, если у него под ногами лопается мина от тяжелого армейского миномета...

Но э т а м почти ничего не остается. А з д е с ь то, что все-таки осталось, начало сползаться к центру площадки (оставляя на камнях блестящие красные полосы).

Так на киноэкране заново срастается разбитая банка с красным вареньем, когда кадры пущены наоборот.

Сползались кусочки неостывшего тела и костей, лоскутки одежды. Склеивались они на гладких шестиугольных плитах. Постепенно обреталась форма...

И вот уже все (и девчонки, открывшие глаза) увидели на самой большой плите мальчишку. Он лежал ничком. Руки были выброшены вперед. Волосы медного цвета курчавились на затылке, под козырьком синей бейсболки, надетой задом наперед. Лопатки торчали под натянувшейся клетчатой рубашкой. Ноги с неровным загаром длинно высывались из джинсовых коротких штанов. Розовели голые подошвы – обувь, наверно, сорвало т а м, еще до Бесцветных Волн.

Новичок долго лежал неподвижно. Все терпеливо ждали. Он двинул ногой. Тогда Голован согнулся, тронул его за плечо.

– Вставай.

Он не встал, но приподнялся. Повернулся. Сел. Обхватил кровавые колени (они на глазах подсыхали и заживали). Пацан как пацан. Постарше Миньки и Кирилки, помладше Голована и Дони. Сморщился, будто заплакать



хотел. Не заплакал, только губу прикусил. А в глазах отчаянный вопрос: «Что случилось? Где я?»

Голован присел на корточки, сказал осторожно:

– Не бойся. Страшное позади.

Золотые паруса

1.

До сих пор обо всем, что было, я рассказывал с чужих слов. А с этого момента начинаю «от своего я». Потому что я и есть новичок. Тот, кому Голован сказал: «Не бойся. Страшное позади».

А страшного-то почти и не было. Я не успел испугаться. Тетя Соня быстро поцеловала меня, крикнула: «Беги к автобусу!», и я помчался от крыльца по белой от солнца улице. Тощий рюкзачок прыгал у меня на спине. Где-то стреляли, но не близко и, казалось, не опасно. И вдруг – свист такой и сразу ка-ак ахнет! И... вот если все-таки бывает Абсолютное Ничто, значит, оно и наступило. Не знаю, на какое время. Его просто не было, времени. А потом уже здесь... Миллионы звезд вокруг, плиты какие-то, два фонаря, как у нашего Краеведческого музея, и ребята...

Я в то лето гостил у маминой сестры, тети Сони, в одной южной станице, в Краснотуманской. Мама сперва боялась меня отпускать: там в недалеких республиках то и дело стреляли, взрывали, заложников захватывали. Но тетя Соня только посмеялась в ответ на мамины страхи: «Это же у н и х, по ту сторону границы. А у нас такого сроду не бывало. У нас тишина и рай на Земле: солнце, фрукты, климат чудесный, Вовочка отдохнет как на детском курорте...»

«Вовочка» это я, Вовка Семыгин, почти двенадцати лет, шестиклассник (то есть семиклассник уже, потому что учебный год закончился) из города Ново-Затомска.

Вначале я не очень рвался в какую-то неведомую станицу. Думал: чего там делать, в захолустье. Мы же с мамой сперва собирались в Петербург. Но оказалось, что денег на Петербург нет. А в нашем Ново-Затомске сидеть все каникулы – какая радость? Да и тетя Соня очень звала. Ее дети выросли, разъехались, и ей хотелось, чтобы, пускай хоть ненадолго, появился в доме мальчишка, почти что свой. А я подумал: «Может, загорю там, на юге, по-человечески». А то загар ко мне всегда прилипал неохотно. В сентябре все пацаны коричневые, а я будто все лето в тени отсиживался, неловко даже.

Я и правда начал там загорать, только неровно, пятнами. И это была единственная (да и то маленькая) неприятность. А все остальное – чудесно! Мы со станичными ребятами ездили в ночное, купались в прудах, лазали по садам (хозяева ругались лишь для порядка: яблок, груш и вишни там – завались). А потом, за неделю до того, как мне уезжать, с юга через степь прорвались какие-то «касаевцы» или «бадаевцы». Они смели военные кордоны, разогнали местное ополчение, постреляли милицию и заняли два ближних хутора. А наутро начали палить по восточной окраине станицы.

Местное начальство отдало оба своих автобуса, чтобы вывезти всех ребят в районный центр, потому что «скоро здесь будет дым коромыслом, подкатят войска, пальба пойдет с двух сторон и в основном по мирным домам».

Тетя Соня наскоро собрала меня, дала денег на билет до Ново-Затомска, сунула в рюкзачок пирожки и помидоры (через минуту его сорвало взрывной волной). Автобус

стоял на перекрестке, в сотне шагов от нашего дома. Гудел нетерпеливо. Я и побежал...

Конечно, я не сразу освоился на астероидах. И не верилось, и казалось, что это сон; и вся душа была еще т а м. «Ох, что же с мамой-то? Она же с ума сойдет... А как тетя Соня? Уцелела? А в автобусе никого не зацепило? А...» Сколько не «акай», не было ответа. И не будет. «Обратной дороги нет». Постепенно это понимание проникло и в меня.

Человек привыкает ко всему. Я тоже вроде бы привык наконец ко второй своей жизни. Привык, что можно по своим придумкам строить и мастерить какие угодно сооружения и вещи (только не живые). Р-раз – и стоит на планете сверкающий дворец, как в сказке про старика Хоттабыча. Еще р-раз – и плещется голубая вода в бассейне, громадном, как настоящее море. Купайся и ныряй сколько влезет. Привык, что можно вмиг долететь до любой видимой звезды или оказаться в звездной гуще самой отдаленной галактики, которая с астероидов кажется серебряной чешуйкой. Какая там скорость света! Мы могли перекрыть ее в миллиарды раз!

Есть книжка (я не помню название и писателя) про мальчишку, который жил, как мы, на астероиде. Он был не просто мальчишка, а принц, хотя непонятно, почему. И вот он задумал покинуть свою планету, чтобы повидать другие края. Было написано: «Он решил путешествовать с перелетными птицами». Я не раз глядел на звезды и думал: что за птицы такие? Как они могли летать, если в пространствах нет воздуха? Да и зачем они? Можно ведь и так за секунду домчаться куда вздумается! Все пространства были наши!..

Только мы редко покидали свои астероиды. Какой смысл? Залети хоть в самую далекую даль – там то же самое, что и здесь. Такое же сияние звездных россыпей, такое же шуршанье и щелканье невидимых силовых полей, та же упругая искривленность пространств (можно было по ним скользить, как по снежным горам, на придуманных лыжах; мы иногда так и делали). Только созвездия меняли свои контуры, а все остальное было прежним.

А к своим планеткам, пористым каменным глыбам, все мы привыкли. Какой-никакой, а все-таки дом. Покидать астероиды надолго не любили. В глубине души опасались даже. Улетишь, а вдруг здесь что-нибудь важное случится. Вдруг... ты кому-то понадобишься? Ну, и вообще – мало ли что? Может быть, не зря нас именно сюда, на этот Пояс астероидов занесли Бесцветные Волны?

Но ничего не случилось, если не считать мелких пакостей со стороны Рыкко Аккабалдо.

Вот еще что надо сказать! Не думайте, будто наши астероиды – это те мелкие планеты, которые тысячами летают вокруг Солнца. Нет, они носятся вокруг совсем иной звезды. Такой маленькой и тусклой, что мы никогда не обращали на нее внимания. Служить настоящим солнцем она не могла. Если нам хотелось дневного света, мы делали искусственные солнышки.

А где наше настоящее Солнце, где Земля, мы понятия не имели. Скорее всего, мы были в какой-то другой галактике. Или даже в ином пространстве Великого Кристалла...

Мне помогли выбрать планетку. Этакую гранитную картофелину метров двести в поперечнике. На ней было много круглых оспин и большущий кратер от крепкого метеоритного удара. Я накрыл этот кратер придуманным стеклянным куполом, развесил внутри люстры, расставил

всюду разукрашенную мебель, как во дворце сказочного султана. Вдоль стен выстроил блестящие рыцарские фигуры, будто в средневековом замке. Такое вот фантастическое получилось жилище. Всем ребятам понравилось. Только Голован сказал непонятное слово: «Эклектика».

– Что это такое?

– Это значит... молодец, фантазируй дальше.

Но мне вдруг надоело фантазировать. Внутри сказочного круглого дома я устроил дощатую комнатку с раскладушкой и маленьким письменным столом – таким же, какой у меня дома (хотя зачем он мне тут?). Деревянный материал время от времени рассыпался в пыль, но я все восстанавливал как прежде.

Мы жили тем, что придумывали всякие развлечения. Строили разные фантастические сооружения. Про хрустальные мосты со старинной железной дорогой я уже рассказывал. А еще были гигантские карусели, трамплины, многобашенные замки с лабиринтами и подземельями. Коптилка и Локки населили подземелья скелетами и механическими крылатыми чудищами. Мы делали вид, что пугаемся (а иногда и правда пугались, на минутку).

Однажды Голован заявил, что надо устроить «Вселенский Новогодний Праздник».

Мы покрыли пушистым снегом крупный астероид (называется он Большая Дыня), водрузили на нем гигантскую елку, украсили ее разноцветными кометами, которые поймали сачками и уменьшили до нужных размеров. Конечно, были на елке и другие игрушки, каждый напридумывал сколько хотел.

Доня включил веселую музыку (опять она напоминает о прежней жизни, но мы делали вид, что этого нет).



Мы играли в снежки и кувыркались в сугробах. Забавно бегать по колено в снегу, который лишь слегка прохладный и щекочет голые ноги, как наваленный грудami тополиный пух.

Но Кирилка и здесь захотел справедливости. Он сказал, что такая зима – неправильная. Поколдовал и обрушил на Большую Дыню настоящий холод.

Ух как мы завывали! Заплясали и начали придумывать себе теплые куртки и штаны, шарфы и шапки, варежки и валенки. Даже упрямый Локки влез в одежду: на нем оказались меховые сапоги и расшитая войлочная накидка – вроде теплого одеяла с вырезом для головы.

Коптилка засунул Кирилке за шиворот сорванную с елки сосульку.

– Вот тебе, Кирпич! Я из-за тебя простудился по-настоящему, даже сопли бегут!

Кирилка заверещал, но без обиды. Ведь Коптилкина шутка была справедливая. А простудиться по правде никто из нас не мог, мы тут никогда не болели. (Иногда хотелось даже: пусть заболит горло, подскочит температура, а ребята будут навещать и ухаживать; но нет, не получалось).

Мы катались с ледяных гор, летали вокруг елки на крылатых снежных конях и устроили такой шум, будто нас не девять пацанов и девчонок, а тысяча ребятшек на городской площади. Даже Веранда веселилась.

Рыкко Аккабалдо не выдержал и заколотил хвостом о прозрачный защитный шар, которым Голован окружил на всякий случай Большую Дыню.

– Эй, лягушки мокрозадые! Хватит галдеть! А то заброшу вас на Планету Кусачих Собак! Их там целые тысячи, вмиг вас обглодают, никакие ваши скафандры не помогут.

Голован, одетый дедом Морозом, задрал голову:

– С Новым годом, Рыкко... Однако ты врешь! Никакой Планеты Кусачих Собак нет!

– Нет?! Вот закину вас туда по правде, сразу узнаете, есть она или нет! Собачки там совсем оголодали, друг дружкой питаются, а уж вы-то для них – прямо конфетки.

Минька Порох вдруг подошел ко мне.

– Вов, а вдруг он не врет?

– Ты что, испугался?

– Я... не знаю. Вообще-то я собак с дошкольного младенчества боюсь, меня тогда соседская овчарка покусала...

– Да он просто так болтает... – И я, как Голован, запорокинул лицо.

– Ох и трепло ты, Рыкко! «Ужасное и несравненное»! Где эта твоя собачья планета?

– Где-где! У козла на бороде!

– Ха-ха! Вот видишь! Даже координат не знаешь!

– Я?! Не знаю?! Серая галактика, звезда Ржавый Гвоздь, восьмая орбита! Пятый угловой конус от Всемировой оси, сто тринадцатый вектор... Да вы же все равно в этом ни бум-бум!

– Это как поглядеть, – сказал себе под нос Голован. И повысил голос: – Хватит тебе, Рыкко, скандалить! Мы еще полчаса повеселимся и пойдем спать!

Но веселились мы всего минут десять. Как-то сразу устали.

Потом Доня Маккейчик придумал цирк. На арене крутились акробаты, под куполом летали сверкающие гимнасты. Лупили друг друга резиновыми дубинками клоуны. Скакали через огненный круг рычащие, будто Рыкко, львы и тигры. Веселая толстая тетя в атласном платье выступа-

ла с дрессированными пуделями. Они катались друг на дружке, лаем отвечали на вопросы из таблицы умножения и в конце концов, как акробаты, выстроились в пирамиду.

Между пуделями болтался и тяфкал рыжий щенок-дворняжка. Ничего он не умел, только путался под ногами, но было от него самое большое веселье.

А вокруг арены сидели на десяти кольцевых ярусах шумные и пестрые зрители. Смеялись, аплодировали, топали ногами... Конечно, механические, но издалека совсем как настоящие...

После представления мы все хвалили Доню: постарался человек от души. А потом долго не шли спать. Сидели на перилах стеклянного моста, по которому время от времени со звоном и гуденьем пробегал медный паровоз, тащил гулкие пустые вагончики.

Мы болтали ногами. Говорить не хотелось.

Наконец Голован подвесил среди звезд белый диск с римскими цифрами и фигурными стрелками:

– Ладно, время бай-бай. Уже одиннадцать часов.

Смешно. Какие здесь часы, какое время... Никто не знает, сколько его прошло, пока мы на астероидах. Может, и Земли-то давно уже нет... И сколько еще этого времени пройдет? Впереди – Вечность.

А что такое Вечность? Разве она бывает? По-моему, это что-то невозможное, вроде Абсолютного Ничто...

Многоэтажные конструкции созвездий сияли над нами с такой силой, что было светло как днем. У меня порой душа замирала от этой космической красоты. Но... не всегда. Не сейчас. Аленка потеряла веснушчатую коленку, уронила с ноги в пространство сандалетку и вздохнула:

– А хорошо бы щеночка по правде. Такого, как в цирке, только не придуманного. Они такие забавные. Игра-

ют, бегают, а потом упадут вверх лапами: почешите мне животик. Почешешь ему, а он задней лапой дрыгает, помогает...

Мы молчали. Аленка тронула запретную тему: ведь щенки остались т а м. Но никто не упрекнул Аленку.

2.

Внерины башмачки росли теперь и на других планетах. Но не так густо, как на Минькиной, отдельными кустами. А у Сырой Веранды всего один стебель с мелкими и бледными, почти белыми цветами. Ну, зато она и дрожала над ним...

У меня это растение тоже не очень-то прижилось: видать, почва не та. А у Миньки вымахал целый лес. Поэтому я любил бывать у него. Ну и, конечно, не только из-за зелени. Просто мне нравился Минька. Больше всех ребят.

Почти так же сильно нравился Кирилка. Но с ним я не мог держаться просто. Он... такой весь честный, такая чистая душа, что невольно чувствуешь себя перед ним виноватым. В том, что ты не такой ясный и справедливый.

Другие ребята были тоже хорошие. Никто ни с кем не ссорился всерьез. Бывали мелкие стычки, но так, на пару минут. Даже Веранде прощали ее хныканье и мокрые глаза, терпели героически. Только иногда Коптилка бурчал под нос: «Ну, опять сопли развесила». И умолкал под взглядом Кирилки.

Минька был чем-то похож на Кирилку, но проще и бесхитростней. И хотя он младше меня чуть не на три года, мы с ним сделались как друзья-одноклассники. Иногда я оставался у него ночевать, и мы болтали о чем придется.

И о прежней жизни вспоминали тоже, хотя это и было нарушением главного неписаного правила. Конечно, «обратной дороги нет» и Серая Печаль обязательно отомстит за эти воспоминания, но как удержишься?

Однако любому из нас хотелось иногда побыть одному. И мне, конечно...

А однажды случилось, что и к ребятам не хочется, и в своей комнатухе надоело, и переделывать ее лень. К тому же наступило время сна.

Я улетел с планеты и повис в пустоте. С четырех сторон от четырех очень ярких звезд протянул к себе крепкие серебряные шнуры. Подвесил на них капроновый гамак. Улегся в него, устроил под собой поле тяжести (потому что, если невесомость, какой смысл в гамаке). Стал смотреть на путаницу созвездий. Они все были незнакомые, не с земного неба.

Господи, хоть бы что-то похожее на Большую Медведицу, на Орион или Кассиопею...

«Не смей», – сказал я себе. И вдруг почувствовал, что хочу есть. По-настоящему, как раньше. Я обрадовался, сел. Придумал себе фаянсовую тарелку с рисунком из кленовых листьев (с трещинкой), а в ней – капустные пельмени, такие, как готовила м... ой! Ну, ладно. Я капустные люблю больше, чем мясные.

Я придумал вилку с коричневым пластмассовым черенком, слопал всю пельменную порцию, лег опять, погладил себя по животу. Нормально...

А что нормально-то? Пять минут удовольствия, а потом?

Тихо-тихо было. Только шептались звезды и еще слышалось, как за тридевять пространств скребет лапами по магнитной постели дрыхнувший Рыкко...

Вся необъятность космической пустоты вдруг вошла в меня и... нет, не испугала, а как-то оглушила. Своей безысходностью.

Зачем вся эта громадная красота? Для кого? Для нас, семерых пацанов и двух девчонок? Для Рыкко?

Почему больше нет никого? Если по какому-то закону мы попадаем после Земли в этот мир, то почему же нас тут так мало? Потому что Вселенная бесконечна и других Бесцветные Волны уносят в иные края? Но есть же какое-то правило! Ведь недаром почти все мы здесь из одного времени, из одной страны. Только Локки затесался к нам непонятно как, но это, видимо, случайность... А может быть, вообще всё с л у ч а й н о с т ь? И то, что с нами случилось, и... даже вся Вселенная?

Какие здесь законы, кто в с е м э т и м управляет? Голован любит иногда беседовать с Рыкко о «закономерностях природы Мироздания». Да чушь это! Ни он, ни Рыкко ничего не знают! Мы, как муравьи, попавшие в компьютер. Кое-как разобрались, где какого цвета провода и детальки, а что за хитрости происходят в магнитной памяти машины, понятия не имеем. И никогда не узнаем...

Если в э т о т мир попадают только дети, то куда деваются взрослые? Почему нельзя сделать так, чтобы следом за нами прилетали те, кто нас любит?

«Обратной дороги нет»... А путь вперед – есть? Мы здесь – зачем? По каким законам Вселенной? Или не по законам, а просто так?

Я не хочу! Лучше уж Абсолютное Ничто! В нем не помнишь, не чувствуешь, в нем тебя просто нет. Ничего нет. И Серой Печали...

Меня вдруг затошнило. Сильно. Я быстро сел, на–

гнулся, непереваренные пельмени ушли в мировое пространство.

Я заплакал.

Я всхлипывал, размазывал по лицу сырость и тихонько скулил. Как в детсадовские времена, когда тебя накажут и ты сидишь в пустой комнате, пускаешь слезы и надеешься, что кто-нибудь придет и пожалеет...

Кто?..

Бесшумно спланировал из пустоты Голован. Уселся рядом. Чуть не вывернул меня из гамака, но тут же уравновесил тяжесть.

Я сердито отвернулся – звезды, конечно же, блестели на моих сырых щеках.

– Да не прячься, – тихо сказал Голован. – Чего такого... Думаешь, ты один плачешь по ночам?

– А кто еще? – буркнул я. – Веранда, что ли?

– Все. Когда одни...

Тогда я всхлипнул не скрываясь:

– Послушай...

– Не надо, Вовка. Я ведь знаю, про что ты хочешь сказать. Это у всех...

– Но все-таки п о ч е м у так? Почему пусто кругом? Везде-везде-везде... Миллиарды звезд, миллиарды планет, и ни одной живой... Куда ни прилетишь – не то что человека, даже букашки никакой, даже травинки. Камень, камень... Да еще эти оранжевые межпланетные комары... Но они, по-моему, мертвые...

Голован сел поближе, обнял меня за плечо.

– Вовка... я тебе скажу. Я невеселое тебе скажу, даже безнадежное, но ты ведь все равно и сам когда-нибудь это понял бы... Мы н и к о г д а не увидим живых планет. Их очень много – и таких, как Земля, и всяких других, но они...

но мы не можем видеть их, а они не могут видеть нас. Даже если бы мы отыскиали Землю, то все равно увидели бы пустой каменный шар.

– Но по-че-му?

– Потому что мы и они в р а з н ы х и з м е р е н и я х. Мы ушли с нашей планеты, оставили там свои тела, и теперь... ну, как бы прозрачны для землян... и вообще для всех живущих. А они – для нас. Мы в разных мирах...

– Да я понимаю... Но Вселенная-то одна!

– Она одна, а измерений... Ну, вот представь двух жучков на черном шаре. Один ходит снаружи, другой внутри. Ходят они, ходят, но друг дружку никогда не увидят, никогда не сойдутся. Потому что у них – разные плоскости...

– Но тот, который внутри... он ведь как-то попал туда! Должна же быть в шаре дырка!

– В шаре-то, может, и есть. А для нас... обратной дороги нет.

Я сжал зубы.

– Ладно... А где же те, кто приходит в э т о измерение с планет? Почему здесь никого, кроме нас?

– Наверно, рассеяны в Бесконечности... Нам еще повезло, что вместе. Могло закинуть куда-нибудь поодиночке...

– Это что же? Причуды Бесцветных Волн?

– Не знаю, Вов... Может, какая-то ошибка.

Тогда я сказал про последнюю несбывшуюся надежду:

– Даже Планеты Кусачих Собак нет. Я весь тот пятый угловой конус обшарил. Думал... может, не все собаки там такие уж злые... Хоть бы погладить одну. Или щенка найти для Аленки. Щенки-то всегда добрые...

– Я тоже искал, – признался Голован. – Нету ее нигде. Наврал Рыкко, скотина.

А «великий и непобедимый носитель Мирового Зла» дрыхнул, задрал свои лапы, на магнитной кровати. Довольный такой...

Я пожалел, что не умею делать из пространства линзы. А то (я быстренько прикинул координаты Рыкко) сейчас бы собрал весь звездный свет и прижег бы паразиту... даже не лапу, а что-нибудь почувствительней.

Ладно, линзы нет, но можно и по-другому!

Я придумал гигантскую катапульту, вложил в нее глиняный шар, начиненный механическими осаами со стальными жалами-булавками... Едва ли у Рыкко над кроватью сплошной защитный полог: мы давно всерьез не воевали, и злодей не ждал нападения.

Голован смотрел с интересом. Хорошо, что нет рядом Кирилки, некому упрекнуть меня в вероломстве.

Я велел катапulte закрутить свою пружину из синтетических жил и сказал:

– Пуск!

...– А-а-а! Бандиты! Сопляки паршивые! Что я вам сделал, негодяи?!

Слышно было, как Рыкко лупит по спине и пузу лапами и хвостом. Лупи, лупи, всех моих ос быстро не перебьешь!..

Наконец он их все же перебил. И снова:

– За что?! Шпана!.. Я же вас не трогал, спал себе спокойно! Живодеры!

– Если мы живодеры, то ты... драная живность! – громко ответил я.

– Это тебе за вранье! – сообщил Голован.

– За какое вранье?! Я самое честное существо-вещество-естество во Вселенной! Не то что вы!

– А кто пустил дезинформацию про собачью планету!

Мы, как дураки, шарили там и ни шиша! Ни одной самой паршивой собачонки! – проорал в пространство Голован.

– Сам ты дефи.. дезин... дезинтерия вонючая, вот кто! Надо уметь искать! Думаете, прыгнули на сто парсеков и нашли что хотели? Обрадовались на готовенькое!.. Такую планету надо о т к р ы т ь, бестолочи!

– Как это? – спросил я. Небрежно спросил, чтобы Рыкко не почувал моего интереса.

– «Как это», «как это»! Раскакались на все пространства... Вот если бы Колумб смаху перепрыгнул океан, как лужу, нашел бы он там Америку? Хрен с редькой и коровьи кучи он бы нашел! А он п л ы л! На кораблях! Он страдал! Потому что открытия бывают лишь в конце трудных путешествий, а не... – Мы слышали, как Рыкко захопнул пасть. Видно, понял, что сказал лишнее.

Откуда-то спланировал Минька, втиснулся между мной и Голованом.

– Не спится. Рыкко разорался чего-то, да и вы тоже...

Я повозился, чтобы Миньке стало посвободнее.

– А-а-а! О-о-о! – Это каким-то образом оказалась под мной механическая оса, из тех, что не попали в шар. – Ой-ёй-ёй! – Так я вопил, пока не догадался сделать укушенное место бесчувственным.

Рыкко в своих пространствах сказал назидательно и высокопарно:

– Всякое коварство чревато возмездием.

И я подумал: будь здесь Кирилка, он бы, наверно, согласился.

Но был Минька. И он вполне одобрил мои действия, когда узнал что к чему.

И признался со вздохом:

– А я тоже искал ту планету...

– Все, наверно, искали, – сказал Голован.

– Кроме Веранды, – заметил я.

Минька вступился за нее:

– Может, и Веранда искала...

А Голован задумчиво покачал ногами.

– Интересно, откуда эта рептилия знает про Колумба?

И... про все остальное.

– Наверно, он подглядывает наши сны, – догадался Минька. – Я недавно видел во сне телесериал про Колумба. Только не весь, а отрывки. Будто я сам там, на корабле... – И смутился: опять вырвалось про земное. Но мы не упрекнули Миньку.

– Ну, ладно, сон про сериал, это понятно, – согласился Голован. – А кто же видит сны про коровьи лепешки?

Я сказал с досадой:

– Дались тебе лепешки! Он же сказал про путешествие.

Это же...

– Про это я тоже думаю, – спокойно согласился Голован. – Сразу тут ничего не придумашь. Перелетные птицы не годятся, не тот масштаб...

Значит, он тоже читал про мальчишку-принца!

Минька прислонился головой к моему плечу.

– Вов, а иногда кажется, что весь мир вокруг – это черный шар, а звезды – кем-то проткнутые дырки. А за ними, снаружи шара, такой яркий свет, пробивается лучиками...

– Что? – сказал я. – Да... Ох... – И зажмурился, и уши зажал, чтобы не спугнуть мысль. Вернее, догадку. Может быть, это была догадка о спасении.

– Что ты охает? Опять оса? – недовольно сказал Голован.

– Нет... ох... послушайте! Сумеет кто-нибудь придумать, чтобы получилось, как сказал Минька? Небо – черный шар, а мы внутри его. Звезды – проколы в шаре, а за ними – свет...

Голован считал неприличным удивляться. Поэтому отозвался спокойно:

– Вообще-то дело сложное. В масштабе Вселенной... Ардональд, наверно, сможет. Такой шар – это ведь сфера. А Доня – он тоже всегда в сферах. Правда, в музыкальных, но это уже детали.

И мы помчались к Доне. Голован ни о чем не спрашивал. Он понял: у меня какая-то идея и лишними вопросами можно ее спугнуть. А Минька ничего не понимал, конечно. Он просто во всем доверял мне и Головану.

3.

Мы собирались бесцеремонно растолкать нашего музыканта, но тот не спал. Он сидел на скамейке со спинкой-лирой, над шахматной доской. Шахматы были особенные. От обычных они отличались не только тем, что фигуры сами двигались по приказу игроков. Там среди белых и черных пешек было по одной особенной. Назывались «пройдохи». Во время игры они старались незаметно занять наиболее выгодное место, пролезть вперед. Заметит противник – тогда иди обратно. Не заметит вовремя – так ему и надо...

Доня решал какую-то хитрую шахматную задачу. Так, по крайней мере, казалось со стороны. Он сосредоточенно смотрел на доску. Как всегда аккуратный, в белом своем «концертном» наряде, галстук-бабочка, прическа с пробором.

Мы зависли у него за спиной.

Голован тоже был знатоком шахматной игры. Он секунд пять глядел на доску и возмущился:

– Куда ты смотришь! Черная «пройдоха» вот-вот проберется в ферзи!

– А? – Доня будто очнулся. И я вдруг почувствовал: он вовсе не решал задачу. Он думал о чем-то т а к о м. Как я недавно. Впрочем, глаза у него были сухие.

– Извините, я не сразу вас заметил, – наконец сказал он.

– Летим на мост, – сказал Голован.

– А? Да, пожалуйста... А в чем, собственно, дело?

– Там узнаешь, – пообещал я.

Мы опять уселись на перилах. И я объявил Доне, какую задачу он должен решить сейчас. Это покруче всяких там гамбитов и эндшпилей.

Доня взялся за подбородок. Несolidно покачал ногами в белых отглаженных штанинах и белых же башмаках.

– Понимаете... чтобы сделать э т о, надо знать кое-что заранее.

– Что? – недовольно сказал я. Потому что и сам почти ничего не знал. Только чувствовал. Называется «интуиция».

– Если окружающая нас небесная сфера превратится в твердую оболочку, – начал дотошный Ардональд, – а звезды, соответственно, станут отверстиями, пропускающими внешний свет, то... надо знать: ч т о э т о з а с в е т? Ты знаешь, Володя?

Я, разумеется, понятия не имел. И засопел от досады. Хотел буркнуть: «Не все ли равно», однако ясно было – Доню это не устроит.

Меня выручил Минька! (Вот и говорите потом, что у человека нет фантазии!).

– Знаете что? А может быть... оно все-таки есть, это... Абсолютное Ничто? Тогда этот свет... он – наоборот...

Третьекласснику Миньке не хватало слов. Но я сразу уловил – о чем он! Даже обидно стало: ведь и сам я ощущал что-то т а к о е, а до конца осознать не мог! Обиделся я на себя, бестолкового, а не на Миньку.

– Да! Минька правильно говорит! Этот свет – сила, которая обратна Абсолютному Ничто! Это его про-ти-во-по-лож-ность! Вот! Ничто – это ничто, а он – всё. Мировой Свет! Абсолютное Всё!

– Ну, вы философы, – сказал Голован. – Господа, я снимаю перед вами шляпу. – Он тут же придумал себе старинную шляпу-цилиндр, помахал им и выкинул в пространство.

Я почувствовал, как Минька затеплел от похвалы. А Доня осторожно спросил:

– Но Володя... а зачем тебе это?

– Сейчас увидите! Ты только сделай! Сможешь?

– Ну... на несколько минут. Конечно, это будет не всеобщее явление, а только д л я н а с...

– Годится и так!

– Но... нужен аккордеон. Сказали бы сразу...

Доня сорвался и улетел.

А я взялся мастерить лазерный пистолет. Такой, у которого тонкий выжигающий луч может лететь на любые расстояния, хоть до Бесконечности, и не слабеть... Смастерил, получилось! А ведь раньше-то я даже линзу для прижигания пяток придумать не умел. Вот что значит вдохновение! Оно булькало во мне, как вода в закипающем чайнике.

Прилетел Доня. Сел между мной и Голованом.

– Раздвиньтесь, пожалуйста... – И растянул аккордеон.

Я такую музыку раньше не слышал. Да, она была не земная. Видимо, з д е ш н я я. Меха выдыхали ее с какой-то особой энергией. Будто не аккордеон дышал здесь, а космических размеров орган (я слышал однажды орган в городской филармонии, но этот был в тысячу раз могучее). Вздохи энергетических полей заставили замереть дрожание звезд и стихнуть космические шорохи. Потом сквозь органную мощь прорезалась ясная тонкая мелодия, словно заиграла свирель (или засмеялась Аленка). И тихо стало. И Доня сказал:

– Ну, вот. Всё...

Звезды теперь не висели гроздьями, а виделись на одном уровне – на громадном черном куполе. Будто в планетарии. И я даже почувствовал, какая она твердая, эта угольная сфера.

И... я поднял пистолет. И послал вверх рисующий луч.

Я знал, ч т о буду рисовать. Однажды я уже рисовал такое. На стене в детском клубе «Парус». Там я занимался в судомодельном кружке, и однажды Иван Яковлевич, наш мастер-наставник, предложил нам разрисовать свободную от полок стену силуэтами судов. Пусть каждый из ребят нарисует свой кораблик. Я выбрал многопарусный трехмачтовый фрегат, вроде клипера «Фермопилы». И когда я кончил работу, Иван Яковлевич взлохматил мне на макушке волосы.

– Да ты не только в парусах «собаку съел», Рындик. Ты еще и художник.

«Рындик» – это смесь двух слов: «Рыжик» и «рында». Иван Яковлевич так прозвал меня за мои волосы. Говорил, будто они того же цвета, что медный корабельный колокол.

Я, конечно, засмутился тогда от похвалы, словно красна девица.

...Но сейчас было не до смущения. Нужна была твердость и решительность. И быстрота. Ведь «черная сфера» – лишь на несколько минут.

И я повел по затвердевшему звездному небу тонким режущим лучом. Показалось даже, что твердь зашипела. И в ней осталась золотая щель!

Я удлинил щель, и она стала килевой балкой клипера!..

Я нарисовал острый стремительный корпус и длинный бушприт. Над бушпритом – узкие треугольники кливеров. Над корпусом выстроил нижние четырехугольные паруса, а выше – марсели, брамсели, бом-брамсели. В полукруглых просветах между парусами прочертил вертикальные линии – мачты и стеньги. Между мачтами натянул треугольные стакселя...

Главное сделано, остальное потом! Я еще раз обвел послушным лучом внешние контуры клипера. Вцепился взглядом в корабельный силуэт и... дернул его на себя.

Фигура клипера – словно вырезанная из черной фанеры – опрокинулась и отлетела в сторону, пропала.. В небе засиял золотой корабль!

Вернее, окно в форме корабля.

И в это окно хлынул поток Мирового Света.

Я перепуганно охнул: не надо столько, нужна лишь частичка этих лучей. Я замахал ладонями – будто хотел заслонить окно. И оно послушно затянулось чернотой со звездными проколами... Нет, проколов уже не было. Опять висели гроздьями привычные звезды.

А свет, что успел влететь в «корабельную прорезь», никуда не девался. Он висел перед нами желтой горящей глыбой. Как янтарный астероид, внутри которого включили множество ярких ламп. А по форме астероид был почти что готовый клипер...

4.

Я сделался героем. Все меня хвалили, хлопали по плечу. Голован придумал большой орден «Великого Корабельного Мастера первой степени» и прицепил мне на рубашку.

Но корабль, конечно, еще не был готов. Это была лишь грубо обработанная глыба света, из которого следовало сделать настоящий космический клипер. Как говорится, «довести до ума».

И мы доводили!

Можно, разумеется, спросить: а зачем столько хитростей? Не проще ли было поднапрячь фантазию и за минуту придумать готовый корабль? Но одно дело выдумка, вроде Дониного цирка, а другое – клипер, построенный из лучей Мирового Света. Он-то не фантазия, он создан из всех энергий Вселенной. Он должен выдержать всё, что выпадет нам в дальнем-дальнем пути и привести нас к н а с т о я щ и м открытиям...

Конечно, главная работа досталась мне. Тут уж пригодились все мои знания судомоделиста. Я придумывал для парусов тончайшую и прочнейшую золотую ткань, натягивал от мачт к бортам ванты и бакштаги, проводил через блоки шкоты, фалы и топенанты.

Но и для других нашлись дела.

Локки на носу под бушпритом соорудил фигуру шестипалого пернатого ягуара – какого-то персонажа из легенд народа Цтаанатаиннакоа-ката.

Минька и Аленка украшали орнаментом из янтарных листьев корму и борта. Голован и Кирилка придумывали многолапые якоря, чтобы во время путешествия можно было остановиться, зацепившись за подходящую планету.

Коптилка и Доня проделывали в фальшборте квадратные люки и устанавливали перед ними корабельные орудия – карронады – на тот случай, если Рыкко Аккабалдо или кто-нибудь другой вздумает чинить нам козни. Для карронад они изобрели ядра с начинкой из такой могучей сжатой энергии, что едва ли Рыкко сумеет в ответ придумать подходящую броню.

Мачты и весь рангоут, обшивку корпуса и палубные доски мы сделали будто бы из дерева. Но это было особое дерево, с золотистым отливом. Оно светилось изнутри медовой желтизной. Ясно, что такая «древесина» никогда не рассыплется, она ведь из Мирового Света!

Хорошо, что в здешнем мире строительство всегда идет быстро. Главное, все придумать как надо, а потом повел ладонью или просто мигнул – и готово! И тем не менее мы работали целую неделю (если считать по тому, сколько раз ложились спать). И наконец – вот он, наш клипер!

Мы смотрели на него с новой, незнакомой до этого момента радостью. Я видел, как он крошечными золотыми кораблями отражается в глазах моих друзей. Даже Сырая Веранда улыбнулась, хотя она одна ничего не делала на строительстве, только поглядывала со стороны. Говорила, что «никаких корабельных фантазий» в голове у нее нет.

Единственное, чего мы не придумали, это название клипера. Спорили, спорили, а потом решили, чтобы никому не стало обидно: пусть будет просто «Корабль». Потому что все равно никаких других кораблей (так мы думали тогда) в обозримой части Вселенной не встречается.

Зато флаг у нас получился замечательный – такого во всех флотах, на всех планетах никогда не было, это уж точно. Придумал флаг Минька Порох (при этом он почему-то

застеснялся), и мы его радостно одобрили. На золотом полотнище — бело-синий полосатый жираф Алик.

Пока мы строили клипер, Алик все время был с нами. Смотрел на корабль синими глазами-пуговками. А мы то и дело поглядывали на Алика. Посмотришь на него, и появляется... надежда какая-то, что ли...

Так уж получилось, что в корабельных делах главным оказался я. Наверно, поэтому Коптилка именно у меня и спросил:

– А куда будет первое путешествие? Зачем?

Вот тебе и на!

Я был уверен, что это дело уже решенное. Но оказалось: все так увлеклись строительством клипера, что о цели путешествия не думали. Я переглянулся с Голованом — уж он-то помнит! И Голован объявил:

– Конечно, на собачью планету, за щенком для Аленки! Помните, она о нем мечтала? Да и все мы... Рыкко проболтался, что такую планету можно открыть лишь в путешествии на корабле.

И наши друзья шумно одобрили эту идею. Нам казалось, что живой щенок — это такое великое дело! Он будет прыгать с планеты на планету, весело тявкать на Рыкко, играючи хватать нас за штаны и за пятки и лизать наши щеки и подбородки...

Ради этого стоит облететь Вселенную!

Конечно, в космосе не бывает воздушных ветров. Да они и не годились для нас: далеко ли улетишь с такой скоростью. Даже скорость света не годилась. Но в пространствах есть потоки космических излучений, которые в миллиарды раз быстрее света. Вот эти межгалактические ветры и надуют наши паруса.

Итак, мы сделались корабельным экипажем. Я посоветовался с Голованом и объявил всем, что нужна морская форма. По правде говоря, я не был сильно уверен, что нужна, однако появилась причина, чтобы наконец одеть Локки. Хватит ему шастать по пространствам без штанов. И пусть попробует заупрямиться! Отныне у нас флотская дисциплина.

Голован сказал, что лучше всего белые шорты и белые голландки – форменные рубашки с синими воротниками. Как у матросов где-нибудь в тропических морях. И никто не спорил (даже Локки). Коптилка добавил только, что нужны еще белые береты с синими шариками на макушках – как у французских моряков из песенки «В Кейптаунском порту с какао на борту «Жанетта» поправляла такелаж». Никто опять не возражал, только Веранда вздохнула почему-то и отвернулась. Будто с укором. Наверно, подумала: «Вот опять нарушили правило, вспомнили песню из т о й жизни». А мы, надо сказать, нарушали это правило все чаще. Что-то изменилось в наших обычаях.

Кирилка подошел ко мне, строго оглядел с головы до пяток.

– Но тебе-то нужна особая форма, с фуражкой и нашивками. Ты же капитан.

– Да с какой стати?! Почему я капитан?

– А кто же еще? – сказал Голован.

Я заспорил: чем я лучше других? Но мне доказали, что так надо. Потому что я один понимаю в парусах.

– Ну, тогда я и буду командовать парусами. Во время плавания... то есть полета. А Голован пусть будет начальником экспедиции и главным штурманом. Он лучше всех разбирается в космических координатах.

– Не очень-то я разбираюсь, – вздохнул Голован, од-

нако согласился. Другие разбирались еще хуже, почти никак.

Коптилку сделали начальником корабельной артиллерии: он всегда метче других стрелял из рогатки астероидами по Рыкко.

Кирилка был назначен старшим помощником – главным человеком, отвечающим за порядок на корабле. Уж на него-то можно было положиться.

После этого Доня заметил, что хватит командирских назначений. А то не останется матросов, некому будет стоять у штурвала и работать на палубе. Сам Доня в командирские не стремился, он был, как говорится, выше этого.

Конечно, делать себе капитанскую форму я не стал. Не хватало еще красоваться перед ребятами с командирским «крабом» и шевронами. И никто не стал украшать себя лишними нашивками, лишь Коптилка приклеил на рукава два круглых знака: на левом – скрещенные пушечные стволы, на правом – старинная бомба с горящим фитилем. Все решили, что он имеет право...

– А когда отправляемся? Ц-давайте прямо сейчас! – подскочил непоседа Локки. Он очень доволен был флотской формой, особенно беретом с помпоном – все время трогал его на макушке.

– Рано, – решил начальник экспедиции Голован. – Впервые, сегодня понедельник, а в такой день путешествия не начинают, плохая примета...

– Ц-это глупости и предрассудки! Даже в нашей древней стране с ними ц-боролись!

– Оно и видно, – не выдержал, сказал под нос Доня.

– Почему ты решил, что сегодня понедельник? – вмешался любитель истины Кирилка. И был прав: мы давно потеряли счет дням.

– По космическому календарю... – Голован щелкнул пальцами, и в небе над мачтами возник белый прямоугольник. На нем: «Понедельник. 13 июля». Только года не было.

– Видите? Еще и тринадцатое число!

– Все равно ц-предра...

– А во-вторых, – невозмутимо продолжал начальник экспедиции, – надо сперва вычислить координаты планеты.

– Но ты же их знаешь! – удивился я. – Все знают!

– Мы знаем, где Планета Кусачих Собак. Но зачем нам она? С кусачими-то...

Тут даже спокойный Доня изумился:

– А куда же мы тогда собираемся?!

– Неужели не ясно? Двигайтесь ближе...

Клипер висел в пространстве над хрустальным мостом между Минькиной и моей планетами. А мы сидели на кормовой палубе, на полуюте (лишь Веранда стояла, прислонившись к основанию бизань-мачты). Мы подползли по желтым теплым доскам к Головану и сели в кружок.

– Разве не понятно, – сказал он, – что у всего на свете есть противоположность? У Абсолютного Ничто – Мировой Свет, у холода – тепло, у печали – смех... У Зла – Добро... Значит, если есть Планета Кусачих Собак, должна быть и Планета Некусачих...

Это было очень доказательно. Никто не возразил. Лишь Коптилка спросил чуть капризно:

– А где она такая?

– Наверно, точно против той, Кусачей. В другом краю пространств, если мерить от Всемирной Оси... Вот я и хочу рассчитать поточнее. А в путь – завтра... Нет, лучше послезавтра, сразу после сна.

Он был прав. Конечно, перед путешествием полезно

провести денек дома, собраться с мыслями, настроиться как следует на дальнюю дорогу. Неизвестно, когда вернемся. И... вернемся ли вообще?

– А сейчас устроим генеральную проверку, – решил я.
– И большой смотр... Веранд... Вероника! А ты почему еще без формы?

Она сделала губами не то «пфы», не то «пых». Отвернулась. И сказала в пространство:

– Я, по-вашему, ненормальная? Никуда я не поеду. Не полечу...

Мы так и сели на палубе с открытыми ртами.

5.

Да, мы недолюбливали Сырую Веранду. Порой злились на ее хныканье и надутые губы. Но... не настолько же, чтобы бросить ее! Какая бы ни была она, а все равно н а ш а Веранда. Как-то даже дико представить: мы улетим, а она здесь будет одна...

Как мы ее уговаривали! И вместе, и наперебой! Как убеждали, что без нее не мыслим благополучного путешествия! Она же в ответ опять «пфы» или «да ладно вам», «чего я там не видела», «я собак терпеть не могу», «мне и здесь хорошо, я тут привыкла».

– Минька тоже собак не любит, а летит, – сказал я. – Потому что мы всегда должны быть вместе.

– А зачем? – вздохнула она.

Тут кое-кого злость взяла. И меня в том числе.

– Ну... в конце концов, дело хозяйское, – решил Голован. И мы даже испытали облегчение. А Коптилка сумрачно пообещал:

– Уж теперь-то тебя Рыкко обязательно сожрет, одну-то!

Веранда первый раз улыбнулась:

– Подавится.

Хотя мы и успокоились немного, настроение было испорченное. И мы решили проверку и смотр не проводить. Перенесли это дело на завтрашний вечер. И отправились спать, укрыв корабль пятислойным защитным по-
лем.

Утром я заскочил к Миньке – на заросшую венерическим башмачком планетку. Миньки в его голубятне не оказалось. «Может, он у Кирилки», – подумал я и перелетел к Кирилке.

Тот занимался необычным делом: колот дрова. Он был в малиновых трусиках и в майке помидорного цвета с белой буквой К на груди. Щуплый такой, будто красный кузнечик. Еле управлялся с тяжеленным топором. Вскинет его над головой, потопчется на гибких ногах-прутиках под непомерной тяжестью и – бух по чурбаку... Мне почему-то стало жаль его. И тревожно.

– Зачем ты так? Можно ведь придумать сразу наколотые поленья.

Кирилка опустил топор к босым ступням и виновато улыбнулся:

– А они не придуманные.

– Как это?

– Настоящие... Я ночью не спал, глядел в окошко, а за ним вдруг пролегла дорога. Ну, обычная такая, с травкой по краям. И вдруг по ней поехал большой грузовик. Кажется, КамАЗ. Я даже номер разглядел: ТЗМ 52-52... И полный кузов дров. На кочке его ка-ак тряхнет! И несколько чурбаков посыпались на дорогу... Я выскочил – и ни машины, ни дороги. А кругляки эти валяются на песке...

– Тебе приснилось, – убежденно сказал я.

Кирилка опять улыбнулся:

– А дрова-то...

Вот я дурак! Но... такого же не может быть! З д е с ь не может. Дорога какая-то, машина. Откуда?

Кирилка сел на корточки, прижался щекой к чурбаку.

– Понюхай, они еще свежие. Пахнут настоящим деревом. Лесом...

Я понюхал. И... шарахнула меня такая печаль, такая тоска. Я даже зажмурился и чуть не завыл. Хорошо, что это было только на миг...

Я отдышался, открыл глаза. Кирилка, выгибаясь от тяжести, тащил охапку дров к сложенному рядом с глинобитной хаткой очагу. Очаг был кривобокий, из крупных камней. Я сразу понял, что и он не придуманный. Кирилка сложил его своими щуплыми руками из собранных на астероиде булыжников. Видимо, решил, что раз дрова настоящие, то и очаг должен быть такой же...

Я выхватил у него часть поленьев.

– Сумасшедший! Надорвешься же... – Хотя ни надорваться, ни заболеть мы здесь не могли.

Мы уложили дрова в очаг «клеткой», друг на дружку. Кирилка нарвал с поленьев березовой коры. Спички были, конечно, придуманные, но растопка вспыхнула по-настоящему. И сразу такое тепло... Забытое земное тепло, как от костра или от печки с открытой дверцей. От придуманных дров тепла не бывает, если его не сочинишь специально.

От дыма у меня заслезились глаза (ага, «от дыма!»).

Мы сидели рядом, смотрели на огонь, и у Кирилки на щеке трепетала от тепла приклеившаяся ленточка бересты. Тонкая, как папиросная бумага. Он съежил плечи и

тер локти и колени, будто набегался по холодной улице и теперь отогревается.. А может, и правда было ему зябко?

Мне опять стало тревожно. Я сказал:

– Жаль, что мало дровишек. Надо экономить... Хотя все равно завтра в путь.

– Я придумаю такую умножительную... раздвоительную машину. Сунешь в нее одно полено, а выскакивает два...

– Тогда, наверно, второе будет ненастоящее. Или даже оба...

– Нет, оба будут настоящие, – сказал он твердо. Но почему-то без радости.

– Кирилка! Давай погрузим дрова в трюм! И машину! Будет на камбузе настоящий огонь! Это ведь не опасно, корабль из негорючего материала!

Он кивнул:

– Да, это можно...

И я со страхом понял, что он скажет дальше. И он сказал:

– Вова, ты не обижайся... И все пусть не обижаются. Я не полечу, я остаюсь. Так надо...

Я уже за полминуты до его слов каким-то больным нервом ощутил это. И даже простонал про себя: «Не надо...» Но все равно...

Вот это был удар! В тысячу раз страшнее, чем от Веранды. Она... ну, все-таки Сырая Веранда она и есть. А как мы будем без Кирилки?

Я так и сказал упавшим голосом:

– Как мы будем без тебя?

– Доня будет старпомом. Лучше, чем я...

– Да при чем тут старпомы всякие! – взвыл я. – Тебя-то все равно не будет!.. Ну, почему ты не хочешь с нами?!

Он глянул сбоку, убрал со щеки бересту.

– А как она здесь одна-то...

Я даже не понял сперва:

– Кто?

– Как кто? Вероника.

Да провались она трижды... хоть в Абсолютное Ничто!

– Кирилка! Ну, она же сама решила! Никто ее здесь не держит насильно! Разве мы виноваты, что ей такая вожжа под хвост!..

– Никто не виноват... А как быть-то, раз она решила? Не бросать же одну...

– Жила она тут раньше одна и ничего!

– Это же раньше...

– Эх ты, Кирпичик... – сказал я уже без всякой надежды. Потому что он такой: если решил, его не уговорить. Он знает, где правда...

Кирилка прошептал:

– Думаешь, мне хочется оставаться? Но кто-то же должен...

Я с досады грохнул себя кулаком по затылку и свечкой взвился с Кирилкиной планеты. Приземлился на палубе клипера. Ударил в корабельный колокол: общий и срочный сбор!

Конечно, мы еще уговаривали его. Но, по правде говоря, не очень сильно. Понимали, что бесполезно.

Голован обвел всех сумрачными глазами.

– Может, кто-то еще хочет остаться? Говорите сразу.

Больше никто не хотел.

Минька сидел с красными глазами, вот-вот заплачет. Аленка спрятала в ладони конопатое лицо. Коптилка вдруг

встал пред Кирилкой, сунул в белые карманы острые (опять немые) кулаки и сказал с хрипотцой:

– Но это же... то, что ты решил... это же...

Все поняли, он хотел сказать «предательство». Но в том-то и дело, что Кирилка считал наоборот: предательство, если он оставит Веранду.

Доня отодвинул Коптилку. Проговорил почти вкрадчиво:

– Кирилл... ведь ты же понимаешь, что мы можем не вернуться очень долго. И может быть, совсем...

Кирилка нагнул голову.

– Я понимаю. Тогда тем более: как она тут...

– Но мы можем больше никогда не увидаться, – выговаривал я, глотая комок

– А может, все-таки... когда-нибудь...

Ему тоже было нелегко. Наверно, даже хуже, чем нам. Мы-то все-таки вместе.

И вдруг Кирилка, глядя на свои босые ноги прошептал:

– Если вы совсем не вернетесь... никогда... я буду ждать, что опять появится дорога. И тот грузовик... И мы с Верандой прыгнем в кузов.

– И что дальше? – удивился Голован.

Кирилка удивился в ответ:

– Что? Не знаю... Что-нибудь...

И вдруг крикнул, звонко так:

– Ладно, прощайте! – И рывком умчался с палубы.

Мы стояли с опущенными головами. Локки вдруг заревел. Аленка тоже заплакала, но тихонько. Минька всхлипнул.

Я понял: чтобы не рвать себе души, надо отправляться в путь сейчас же! Что нас держит? Какая-то генеральная про-

верка, смотр – чепуха! Это просто игра! Все и так готово!

Чтобы не зареветь следом за другими, я сипло закричал:

– Отход! Приготовиться к постановке парусов!

А чего там было готовиться? По мысленному моему приказу они тут же распускаются и надуются под космическим ветром. Надо только повернуть под нужным углом реи... Откуда самый сильный поток космических излучений? Кажется, с левого борта...

– Ардональд, на руль! Минька и Локки, на брашпиль, убрать якорь!

Я развернул реи на левый галс, втугую выбрал стаксель- и кливер-шкоты.

«Все паруса ставить!»

Золотые треугольники стакселей и кливеров пошли вверх, контр-бизань потянуло вправо, прямые паруса беззвучно скользнули с реев и сразу стали выпуклыми, упругими. Бушприт с кливерами повело под ветер.

– Доня, вправо два оборота!.. Одерживай!

И клипер двинулся...

Якоря были зацеплены за перила хрустального моста. Носовой мы убрали, а про кормовой, про стоп-анкер, я забыл (ох и капитан!). Цепь натянулась, хрупкие прозрачные столбики и поперечины брызнули осколками под светом звезд... Ладно, наплевать.

Клипер слегка накренило, я нервами ощутил, как длинный киль правой стороной налегает на упругие слои магнитных полей.

– Алена, подними флаг!

Она, все еще всхлипывая, побежала на корму. Золотое полотнище с полосатым Аликом заполоскало под бизань-гафелем.





Сейчас начнем набирать скорость. Еще минута, и за кормой не будет уже ни астероидов, ни привычных созвездий...

Бесшумно и стремительно упали между гротом и бизанью – на шканцы – Кирилка и Веранда.

Брякнулись на четвереньки, встали.

Веранда сварливо сообщила:

– Тоже мне, рыцарь морковного цвета... «Не оставляю тебя, не оставляю»!.. А у самого не глаза, а Бахчисарайский фонтан... Теперь и я по его милости должна тащиться с вами. Куда-то к черту на рога...

– Ура-а!! – И шлеп! Это с крюйс-марса плюхнулся к основанию бизань-мачты Локки. Сел, раскинув ноги и сияя, как маячная лампа.

– Маккейчик! – заорал я. – Держи штурвал, кофель-нагель тебе в поясицу! Видишь, уваливает!

А золотые наши паруса надувал такой радостный ветер!

6.

Да, мы набирали скорость. Наши астероиды затерялись уже в немыслимой дали. Звезды пролетали вдоль бортов с такой скоростью, что вытягивались в огненные струны. Галактики в отдаленных пространствах тоже быстро смещались назад. А мы стояли на шканцах перед смущенным Кирилкой и насупленной Верандой. Счастливые такие...

Аленка вытерла остатки слез. Улыбнулась Кирилке. Принялась переделывать его красную одежонку в матросскую. Потом провела над головой ладонью – и на Кирилке берет с помпоном.

Коптилка смотрел на них двоих со скрытой завистью (так мне показалось).

Сырая Веранда вдруг шмыгнула посом и набыченно предупредила:

– Не вздумайте и меня обрядать в матросочки-бере-
тики, я еще не выжила из ума...

– Ты можешь ходить в белом халате, – примиритель-
но предложил Голован. – Будешь корабельным доктором.

Конечно, это была просто почетная должность: мы же
ничем не болели, не обдирались, не расшибались. Вон,
Локки с марсовой площадки хлопнулся – и хоть бы хны!

Веранда опять сделала губами «пфы». Но... вдруг
улыбнулась. И поверх ее обвисшего цветастого платья по-
явилась брезентовая сумка с красным крестом.

Веранда поглядела на Коптилку.

– А где твой Алик?

Коптилка сперва растерялся. Кажется, Веранда заго-
ворила с ним впервые за всю жизнь в этом звездном мире.

– Я... он в каюте. В моей... У него там специальная
полка.

У нас у всех были отдельные каюты. Мы позаботи-
лись о своих удобствах. Однако, если мы не спали, почти
все время проводили на палубе. Не уставали смотреть, как
проносятся за корму звездные скопления Вселенной...

По очереди все несли вахту у штурвала. Кроме меня.
Мое дело было следить за парусами. Но с ними не было
хлопот. Ровный космический пассат дул с левого борта и
еще чуть с кормы, реи были развернуты под углом к на-
правлению хода корабля. Клипер мчался курсом крутой
бакштаг левого галса.

Теперь корабль не сиял, как золотая драгоценность.
От парусов шел неяркий свет медовых и янтарных тонов.
Мачты и палуба были как свежее дерево, натертое воском.

Палубные доски казались нагретыми солнцем. На них так хорошо было сидеть и лежать.

Голован придумал звездный компас – там были две стрелки. Одна все время показывала на Всемирную ось, а вторую Голован установил сам – в направлении нужного курса. Потому что иначе невозможно было понять: куда направлять клипер? Только рулевой нацелится бушпритом на какую-нибудь звезду, а она р-раз – и уже свистнула вдоль борта, исчезла за кормой.

Мы часто собирались кружком на носу, на полубаке, где лежали желтые, из светящегося волокна, бухты канатов. Коптилка обязательно появлялся с нашим любимым Аликом, прижимал его к матроске. Алик тоже был как бы в морской форме – в тельняшке... Доня приносил аккордеон. Он играл сочиненную здесь, на корабле, дурашливую песенку:

*Волны хлещут о борта,
Мимо мчится красота.
Ветер дует в паруса.
Развевает волоса.
Под бушпритом – ягуар,
У него из носа пар.
Он глядит в морскую даль,
А в зубах его сандаля...*

Никакого сандаля там не было, да и пара из носа тоже (и даль – не морская). И вообще полная белиберда. Но она веселила нас, и мы сочиняли куплет за куплетом. Такие стихи придумываются бесконечно.

*Эй, не разевайте ртов,
Звезды мчатся вдоль бортов.*

*Заезаешься – и вот
Полон звездами живот.
Аккабалдо дорогой,
Распрощались мы с тобой!
Как ты там живешь один,
Рыкко-балдо, бал-бал-дин!!*

И был еще припев, его срифмовала Аленка:

*Я уселась на полу
И кручу у ног юлу.
И жуужжит моя юла,
Будто желтая пчела...*

Это уж вроде бы совсем ни к селу, ни к городу. Во-первых, надо говорить не «на полу», а «на палубе». Во-вторых, при чем тут вообще юла-пчела? И все-таки мы весело голосили припев – он казался нам подходящим. «Пчела» – потому что палуба отливала восковой и медовой желтизной. А еще Голован сказал, что в звездном компасе («компасе» – говорили мы все) есть юла. Такой особый волчок, он помогает держать нужное направление. Называется «гироскоп».

Но мы не только голосили нашу мореходную песню. Иногда просто беседовали. О том, что за планета нас ждет, много ли там собак и... нет ли кого-нибудь еще? Может быть, она такая, что следует там поселиться навсегда? Что мы забыли на астероидах? Только заросли венериного башмачка немного жаль, но Минька взял с собой семена.

На палубе собирались не все. Рулевой оставался у штурвала, а Веранда обычно сидела в своей каюте. Мне или вахтенному штурману (Головану или Кирилке) пола-

галось быть на капитанском мостике, на корме. Но так ли уж это обязательно? Можно командовать и с полубака. Да и что могло случиться в этом ровном плавании-полете?

Но однажды оказалось, что случиться – может.

Нас атаковал метеоритный рой. Свистящие камни изодрали верхние паруса, перебили два рея и фор-брам-стенгу. Ух, мы перепугались! Хорошо, что атака была короткой.

Я за несколько минут залатал парусину и срастил поломанный рангоут. У Миньки каменным осколком разодрало щеку и плечо. Конечно, он мог бы очень скоро вылечить себя сам, но Алленка и Локки повели его к Веранде. Та сумрачно обрадовалась. Наконец-то ей – корабельному доктору – нашлась работа...

После этого случая мы решили быть бдительней и строже соблюдать дисциплину. Хотя, как убережешься от залпа встречных метеоритов? Защитное поле впереди стремительного корабля не поставишь, клипер увязает в нем, как в киселе и моментально теряет ход...

А один раз случилась буря. Вроде морской, только, наверно, пострашнее. Ровный пассат превратился в бешеные вихри космических излучений. Пространство вздыбилось горами магнитных, гравитационных и всяких других полей. Нас мотало, швыряло, вертело в чудовищных черных воронках. Я успел убрать паруса, но такелаж лопался, рангоут сыпался сверху, как бревна, которые уронили с крыши строящегося дома...

Наверно, неподалеку столкнулись два скопления галактик и это нарушило структуру пространств.

Казалось, космический ураган растерзает клипер, а нас раскидает по разным граням Великого Кристалла и ни

когда мы больше не увидим друг друга. Локки опять громко заревел — как при прощании с Кирилкой.

Спас корабль и всех нас Доня Маккейчик. Он кое-как добрался до своей каюты, выволок оттуда аккордеон и растянул меха...

Я не знаю, не помню, что это была за музыка, только она окружила корабль прозрачной сферой. За пределами этого шара буря бесновалась по-прежнему, а вокруг нас возникла тишина. Спокойствие. Так рядом с кораблем утихают бушующие волны, когда за борт выливают бочку масла (я читал про такое).

Мы долго висели внутри шара, который подрагивал под натиском урагана. И наконец дождались — космическая буря стала утихать... Стихла совсем. И Доня своим аккордеоном рассеял защитную сферу.

Ого-го, как потрепало наш клипер! Я несколько часов прилаживал обратно стеньги и реи, протягивал от них новые тросы и канаты. А Голован чесал в затылке и ругался сквозь зубы. Оказалось, что вдребезги разбит звездный компас, а гироскоп от него унесло в... Голован оглянулся, нет ли рядом Аленки, Веранды и Кирилки, и конкретно сказал, куда унесло несчастный волчок.

— А новый разве нельзя придумать?

Голован сказал, что можно. Только все равно придется рассчитывать курс заново, потому что буря забросила нас... в общем, туда же, куда и гироскоп.

— Главный штурман Голован, ведите себя прилично, вы на капитанском мостике, — строго сказал я. Мы посмеялись, и он пошел управляться со своими штурманскими делами.

И, конечно, управился. И мы прежним курсом помчались дальше.

Теперь, после урагана, мы были даже довольны. Досталось нам крепко, но что за корабельное путешествие без бурь и приключений!

Оказалось, что приключения не кончились. Когда я сменился с вахты и уступил мостик старпому Кирилке, из космической черноты грянул залп!

Разнесло фигурное ограждение полубака. Расщепило тонкую приставную трисель-мачту у грота. Свистнуло над головами.

– Тревога! – заорал я. Кирилка – он же вахтенный командир – тоже закричал. Звонко и бесстрашно:

– Все по местам боевого расписания! Коптилка – к орудиям!

Доня метнулся к бортовому прожектору, тот, к счастью, не пострадал. Широкий луч ушел в звездную темноту...

С подветра, в кабельтове от нас, тем же курсом, что и мы, мчался корабль.

Он был почти неразличим. Потому что такой же черный, как межзвездная тьма. Но все же мы поняли – именно корабль. Прожектор высветил ряд блестящих бортовых орудий и размалеванную фигуру дракона под бушпритом. Сделался различимым и серый флаг с заковыристым иероглифом.

А потом луч выхватил из мрака пиратского капитана. Это был Рыкко Аккабалдо!

Да, мы сразу узнали его, хотя злодей и принял другое обличье. У него было теперь почти человеческое толстое туловище, укрытое сверху до пояса как бы копной черной растрепанной соломой – такие волосы росли на его башке. Сквозь них светились багровые глаза и торчал похожий на дыню нос.

Рыкко потрясал волосатыми кулачищами, как пират Беналис в старинном фильме про Айболита. Наверно, он подсмотрел этот образ в наших снах и теперь подражал.

– Гы-ы! Ха-ха! – заорал Рыкко на все окрестные пространства. – Вздумали удрать, лягушки паршивые? От меня не уйдете! Сейчас вам будет окончательный и последний конец!... Огонь!

И его орудия выплюнули красные огни.

Опять свистнуло над головами, что-то затрещало, сверху посыпалось.

Но тут грянули наши пушки!

Ай да Коптилка! Под Рыкко вдребезги разнесло капитанский мостик, а самого его швырнуло к подножью грот-мачты. Там Рыкко вскочил и завопил такие слова, что куда там нашему Головану! Невозможно пересказать даже намеком.

– Чего тебе от нас надо, Рыкко?! – закричал я. – Мы же тебя не трогали!

– Да! – крикнул и Голован. – Сидел бы дома и грел свое раздутое пузо!

– Какие хитрые! – загоготал Рыкко. – Столько всяких пакостей мне понаделали и думаете улизнуть безнаказанно? Фиг вам и еще две большие дули!.. Огонь!

И опять нас потрясло ударом. И снова Коптилкины карронады ответили на вражеский залп. На корабле Рыкко в щепки разлетелся носовой дракон. Коптилка обрадованно крикнул:

– Разворачивай свою калошу обратно, Рыкко! А то из нее получится дуршлаг! Поварешка с дырками!

Рыкко почему-то очень оскорбился.

– Если у меня калоша, значит, и у вас! Головастики безмозглые! Мой клипер в точности такой же, как ваш!

Вот!.. – Во мраке побежали белые полосы и очертили корабельный контур.

Да, пиратский корабль был почти копией нашего. Только не из света, а из черноты.

Голован скрежетнул зубами:

– Вовка, я знаю! Он подобрал тот силуэт, который ты вырезал из черного неба. Мы про него забыли, а он... У, ворюга!

Рыкко понял, что мы догадались. И злорадствовал на своей палубе.

– Вот! Ха-ха! Не будете раскидывать по пространствам обрезки, козьявки безмозглые!.. Вы вообще больше ничего не будете! Я вас уничтожу со страшной силой и на целую вечность!.. Огонь!

Ух как по нам шарахнуло!

Но и нам стрелять по врагу стало легче – Рыкко забыл убрать светлый контур. И снаряд Коптилки сделал в пиратском борту во-от такую дырищу навывлет! Сквозь нее засветились звезды.

Однако Рыкко тут же заделал пробоины.

Мы лихорадочно старались укрепить вдоль борта магнитную броню. Но сделать ее сплошной было нельзя: она помешала бы нашим собственным пушкам. А отдельные броневые листы держались плохо. Окружить защитным полем паруса и мачты мы вообще не могли – тут же потеряли бы скорость и маневренность.

Я отодвинул от штурвала Миньку и сам взялся за рукояти – чтобы пойти зигзагами и ускользнуть от вражеских залпов. Хотел развернуться кормой к Рыкко, но в основание штурвальной стойки врезалось ядро. Щепки хлестнули меня по ногам. Штурвальное колесо поскакало по палубе. Локки и Аленка догнали, упали на него животами.

Я вцепился в порванные штуртросы.

– Голован, Доня, помогите! Останемся без управления!

Они подскочили. Я лихорадочно придумывал новое рулевое управление.

А Коптилка больше не стрелял. Он стоял, расставив ноги, и держался за подбородок.

– Коптилка, ты что?! Огонь!

А он:

– Подождите, я думаю...

Вражеское ядро снесло с него берет с шариком. Еще чуть-чуть и нечем было бы думать. Но он не шевельнулся.

– Коптилка!!!

И в этот миг раздался стр-рашный треск. Но не у нас! На корабле Рыкко полетели все мачты, и он мгновенно остался позади

– Ура! – гаркнул Коптилка и повернулся к нам. – Я придумал для него подводную скалу! То есть подкосмическую! Из такого же твердого пространства, как прижигательная линза!

Было ясно, что если Рыкко и догонит нас, то очень не скоро. Вероятнее всего – никогда!

Мы поздравляли Коптилку. Голован тут же придумал ему орден «За боевую находчивость» с мечами и лавровыми листьями. А наш артиллерист скромно улыбался и прилаживал на косматой голове новый берет. (Интересно, смог бы он приладить новую голову? Или это пришлось бы делать нам? И сумели бы мы?).

Потом Коптилка виновато вздохнул:

– Можно я пойду к себе, поиграю с Аликом? Я чего-то устал...

Конечно, ему разрешили. Герой Коптилка сделал свое

дело. А остальные занялись ремонтом. Даже Веранда помогала Аленке заделывать дыры в парусине. Помашут руками – и нет прорехи...

Наконец клипер опять стал как новенький и мчался с прежней скоростью

Я ходил по мостику, Локки стоял у штурвала. Он хотя и малыш, но освоил это дело.

Остальные (кроме Веранды) сидели на желтой палубе и голосили под аккордеон:

*Старый Рыкко на мели!
Мы опять ему прижгли
Спицу, пятки и живот –
Вот!*

Я подумал, что не будь здесь Аленки и Кирилки, пели бы не «спину». А еще подумал: «Что-то слишком хвастливая песня, не накликать бы снова беду...»

Но тут на мостик поднялся Голован.

– Капитан, убери-ка половину парусов. Звезда, у которой Планета Некусачих Собак, совсем недалеко.

Желтая планета

1.

Звезда была похожа на Солнце. Такая же ярко-желтая, лучистая и теплая. Вокруг нее летало несколько планет. Та, к которой Голован вывел корабль, из космоса тоже казалось желтой. Наверно, было на ней много пустынь. Хватало там, однако, и синей воды.

Мы несколько раз облетели планету по орбите. Нигде никаких следов цивилизации — ни городов, ни дорог, ни возделанных квадратами полей. Ни зарева огней на теневой стороне.

Были пески, бурые леса, серые и черные горы — вот и все... Но, может быть, собаки-то все-таки есть?

Мы решили опуститься в круглой бухте среди слоистых обрывистых берегов. С морем бухту соединял узкий проход. С высоты она казалась брошенной в песок фляжкой из синего стекла. Доня тут же придумал для бухты название: «Фляга Морского Бродяги».

У планеты были всякие свои энергетические поля, и они не очень-то помогали нам. Наоборот. Наши придумки и мысленные команды вблизи от поверхности стали действовать со скрипом, давали сбои. Я еле заставил паруса подняться к реям на гитовах и горденях.

Чтобы опуститься на воду мягко и плавно, мы включили под килем невесомость. Однако планетная сила тяжести оказалась сильнее, и мы плюхнулись так, что брызги выше мачт!

Но никто не пострадал.

Корабль закачался на воде, как обычный парусник, пришедший с океана.

Отдали якоря. Цепи прогрохотали так, что у обрывов отозвалось многократное эхо.

— Вот и все. Приехали, — сказал Голован. Кажется, слегка растерянно.

На палубе появилась Веранда. Оглянулась. Только сейчас я заметил, что глаза у нее синие, как морская вода.

— Ой! Настоящее море! Можно искупаться!

Она скинула на палубу сумку и платье, осталась в обвисшем зеленом купальнике.

– Не вздумай! – сказал я. – Незнакомая же планета!
– Пфы, – и Веранда вскочила на фальшборт.
– Вот сожрет тебя здешняя акула, – пообещал ей в спину Коптилка. Веранда дернула костлявыми плечами. Сказала, как однажды про Рыкко:

– Подавится. – И бултых!

Мы легли животами на планшир.

Плавала Веранда здорово. Несколько взмахов – и уже далеко от борта. Еще несколько – и опять рядом. Никто ее не сожрал. Подняла мокрое лицо:

– А вода настоящая, соленая! Пахнет как на Черном море!

Я бывал на Черном море, вода там пахнет по-всякому. Не всегда так, как надо бы. Но здесь-то чистота – сразу видно.

Я приказал:

– А ну, давай обратно! Бросьте ей штормтрап!

На этот раз Веранда послушалась. Выбралась – тощая, в облипшем купальнике – и принялась выжимать косы. Прямо на палубу.

Конечно, поведение Веранды было «вне всяких рамок» (как говорила когда-то завуч в нашей школе). Грубейшее нарушение корабельных порядков. Но что было делать с этой дурой? Объявить ей строгий выговор перед строем? («Пфы!»). Посадить под арест? Себе дороже. Опять будет столько сырости, что... ну ее.

К тому же, и все мы вскоре нарушили морскую дисциплину. Нельзя оставлять корабль без вахты, а мы оставили. Никому не хотелось дежурить на клипере, когда остальные отправятся на берег. Да и страшно было расставаться. И мы с Голованом решили: места пустынные, погода тихая, опасности для корабля вроде бы никакой. Рискнем.

Спустили желтую (как из некрашеного лакированного

дерева) шлюпку и неумело – опыта никакого – погребли к берегу.

Вытащили шлюпку носом на узкий галечный пляж. Здесь пахло не только морской водой, но и водорослями, и нагретыми камнями. Запахи были... ну, просто земные. И вообще очень похоже на Землю. Не нужно было придумывать вокруг себя искусственный воздух, не нужно было делать под собой искусственную силу тяжести, как на астероидах и корабле. Все настоящее.

За пляжем начинался отвесный берег – могучие слои ракушечника, спрессованного за миллионы лет. Мы отыскали расщелину. Вскрабкались по ней наверх (Сырая Веранда бубнила под нос и похныкивала). Увидели степь под пухлыми белыми облаками. Широченную, до горизонта. А горизонт был такой далекий и громадный! Мы на астероидах отвыкли от земных просторов.

Трава была желтовато-серая, наполовину высохшая. Шелестящая. Ее головки – желтые метелки и шарики с шипами – зацарапали нам ноги.

Из травы торчали редкие высокие камни.

Мы встали кучкой и начали оглядываться.

Над травой, близко от нас, пролетела большая темная птица. Представляете, настоящая живая птица! Не то коршун, не то еще кто-то. Птица летела к мысу, который подымался у входа в бухту.

– Какие там странные скалы, – сказала Аленка. – Будто малыши понаделали куличей из песка.

И правда, желтые скалы были ровной круглой формы. Они стояли, прижимаясь боками друг к другу. А иногда и друг на дружке.

Мы запереглядывались. Потому что многим показалось одно и то же.

– По-моему, это башни, – сказал Минька.
– Похоже на крепость, – согласился Голован.
– Кажется, там амбразуры и бойницы, – добавил Доня, прищурившись.

И только Веранда сказала, что мы ненормальные.

Мы двинулись через шуршащую траву к мысу. Навстречу летел соленый ветерок, трепал матросские воротники.

2.

Да, это была крепость. С круглыми башнями, с треугольными выступами бастионов, с черными глазницами полукруглых амбразур. Когда-то она, видимо, охраняла вход в бухту. Но очень давно. Теперь башни и бастионы стояли заброшенные, это видно было даже издалека. Верхние кромки укреплений развалились, по стенам змеились трещины, в них росли кусты с черными листьями.

Перед крепостью лежала мощеная плитами площадь, она полого подымалась к бастионам. Здесь травы было меньше. Редкие высокие камни торчали на площади, как и в степи. Вокруг камней росли мелкие пыльно-белые цветы.

Сердце у меня колотилось. У других, по-моему, тоже. Доня кашлянул и сказал:

- Если есть крепость, должны быть и люди.
- Были когда-то... – негромко отозвался Голован.
- Ты полагаешь, они все покинули планету?

Голован пожал плечами.

«А может, мы, как и раньше, просто не видим людей? – стучало во мне. – Но птица... Но трава... Они-то живые! И мы их в и д и м »...

Всегда желающий справедливости Кирилка звонко напомнил:

– Но собаки-то должны быть обязательно! Иначе зачем же мы летели!

И навстречу нам стали выходить собаки. Из-за камней, из густой травы у подножия бастионов.

Их было множество! Всякие! Мелкие и крупные, терьеры и овчарки, сеттеры (как Белый Бим!) и узкомордые колли, бульдоги и болонки, пудели и таксы, но больше всего – беспородных псов. Клочкастых, вислоухих, с пыльными шкурами разных расцветок.

Мы обомлели. Десятой части этой песьей стаи хватило бы для того, чтобы сходу сожрать нас без остатка. Бродячие псы – они ведь хищники страшнее волков.

– Скользящие скафандры! – быстро скомандовал Голван.

Я напряг воображение. Скафандр не получался! То ли с перепугу, то ли от того, что здесь были иные, не астероидные законы. То ли мы забыли какие-то правила. А еще мы со страху забыли, на какой планете находимся.

Но собаки-то этого не забывали!

Они не стали подбегать к нам. Садились там и тут на плиты. Иногда скребли за ушами. И смотрели на нас желтыми и коричневыми глазами. Между взрослыми псами резвились щенята. Они гонялись друг за другом, опрокидывались на спины и дрыгали лапами. Тонко тявкали. Но к нам не подбегали.

– Ребята! – опять очень звонко сказал Кирилка. – Вы что? Не бойтесь! Это же не кусачие собаки!.. Эй, собаки, идите сюда!

И тогда они побежали к нам! Они тыкались носами нам в животы, лизали наши колени, терлись мордами о наши белые штаны и голландки. Повизгивали и махали

хвостами так, что над площадью поднялся ветер и пригнал пыльные цветы.

Две псины – великанский пудель и курчавый терьер прыгали вокруг Веранды и пытались лизнуть ее лицо. Она слабо отмахивалась: «Да ну вас...» А они все равно прыгали.

Минька бесстрашно обнимался с белой остроухой лайкой.

Рыжая большущая дворняга взвалила мне на плечи лапы идохнула в лицо розовой пастью. В ее глазах были веселые огоньки. Я не удержался и поцеловал псину в мокрый нос.

Из-за мохнатого рыжего уха я увидел нашего Локки. Он сидел на корточках рядом с косматой кавказской овчаркой и что-то говорил ей на ухо. Овчарка внимательно слушала. Потом лизнула коричневую щеку. После этого она взяла Локки за подол и куда-то повела. Я торопливо погладил рыжую дворнягу еще раз и пошел за Локки и овчаркой. Остальные резвились с собаками и не обращали на нас внимания.

Овчарка подвела Локки к похожему на мельничный жернов камню. Из-за него выкатился нам под ноги серый щенок. Наверно, месячного возраста. С толстыми лапками, круглым животом, полувисячими маленькими ушами и веселой мордашкой. Замахал хвостом, похожим на согнутый мизинец.

Локки взял собачьего малыша на руки и оглянулся на меня.

– Это ц-тот самый щенок. Для нас...

– С чего ты взял?

– Потому что других щенков собаки с нами не отпустят. Не захотят расставаться со своими детенышами. А его

маму вчера прибило камнепадом в каком-то ущелье... – Локки потрепал щенка по ушам. – Глупый. Не понимает еще, что мама не придет...

– Откуда ты это знаешь-то? – засомневался я.

– Вот она сказала! – Локки посмотрел на свою спутницу-овчарку. Та махнула хвостом.

– Ты умеешь говорить с собаками?!

Локии глянул удивленно и честно.

– А ц-што такого? В нашей стране это многие умеют.

По крайней мере, ц-дети...

Я оглянулся и закричал:

– Ребята! Эй, ребята! Идите сюда!

3.

Собаки были не только некусачие и добродушные, но и... деликатные такие. Поиграли с нами, поласкались, но особенно не приставали. И не стали увязываться, когда мы решили пойти внутрь крепости. И щенка нам отдали. Не спорили, не рычали, когда мы взяли его с собой.

Аленка несла щенка на руках. Иногда тыкалась носом в его шерстку. Она дала ему имя Мухтар. Сказала, что когда-нибудь песик вырастет и станет как служебная собака из всем известного кино. А в том, что он «мужского рода», не было ни малейшего сомнения.

«А вырастет ли, если улетит с нами? – подумал я. – Ведь мы-то не растем...» И опять стало тревожно. Вернее, непонятно как-то...

В течение часа мы лазили по крепости. Везде было одинаково. Крутые полуразвалившиеся лестницы, пустые помещения и площадки. Всюду голый камень и только. Лишь в одном бастионе, в нижних капонирах (кажется, так называются камеры для орудий) мы нашли несколько ту-

порылых пушек. Они были черные, но пахло от них старой медью. А деревянные лафеты (как у наших палубных карронад) почти полностью сгнили.

Коптилка (он же артиллерист!) застрял у одной пушки и принялся колдовать.

Да, здешний мир не очень-то слушался наших фантазий. Бедный Коптилка взмок, его белая голландка прилипла к спине. Но все же за полчаса он сделал орудие новеньким. Брусья лафета стали крепкими и просмоленными, на скобах и кольцах исчезла ржавчина. Ствол заблестел желтой медью (или, может, бронзой).

Коптилка поднатужился еще и соорудил дюжину ядер с начинкой из космической сжатой энергии.

– А зачем? – спросил Минька.

– Мало ли что...

Наш клипер мирно желтел посреди бухты Фляга Морского Бродяги. Вся Фляга была отлично видна из амбразуры. Слоистые обрывы сделались еще более желтыми – здешнее солнце склонялось к вечеру.

Щенок Мухтар присел у новенького оружейного станка и сделал круглую лужицу. Поднимать ногу по-взрослому он пока не научился.

– Бессовестный, – сказала Сырая Веранда. – Убирай вот теперь за ним...

– Он же еще ребенок, – заступился Кирилка.

– Мало ли кто ребенок! Вот Локки, например... Он, что ли, тоже должен так?

– Я ц-могу... Только во мне сейчас пусто.

Минька присел и погладил Мухтара.

– В нем сейчас тоже сделалось пусто. Он запросит есть и пить. Он ведь не мы...

Аленка схватилась двумя ладонями за веснушчатый

подбородок, насупила брови. И... на каменном полу появилась глиняная плошка с молоком.

– Им в таком возрасте молоко полезнее всего, – сказала Аленка.

Минька поскреб затылок:

– А годится ли для него придуманное?

Мы не знали. Но Мухтар решил, что годится. Вылакал все. И вылизал плошку. Помахал хвостом-мизинцем.

В этот момент резко потемнело. Словно быстрая туча пробежала под солнцем.

Но никакая не туча!

Это спустился с неба и сел на воду рядом с нашим кораблем – пиратский клипер.

Мы ничего не успели сделать. Даже подумать ничего не успели! Вдоль черного борта полыхнули огни. На нашем корабле разлетелись надстройки, посыпались реи, рухнула вперед фок-мачта, обрушила своей тяжестью бушприт.

Еще залп – и вообще не осталось мачт!

– Коптилка! – заорал Голован. – Чего ты стоишь как пень! Стреляй!

Коптилка будто проснулся.

– Помогите!

Мы вдвоем с ним закатали в орудийный ствол зеркально-блестящее ядро. Коптилка навел орудие.

– Огонь!

Но я же говорю: в этом мире были другие законы. Здешняя пушка не хотела выплевывать ядро по команде незнакомого мальчишки.

– Нужен заряд! – догадался Голован.

Коптилка уронил руки:

– У меня нету...

И тогда Минька Порох впервые в жизни придумал порох. Кажется, настоящий. Когда-то с соседскими пацанами они баловались у костра вот с такой серой крупой (крупинки взрывались упругими огоньками). Потом пришел папаша того мальчишки, который наковырял порох из отцовских охотничьих патронов, и... но это уже другая история. Минька рассказал ее после. А пока он просто поставил перед Коптилкой красное пластмассовое ведро с чем-то вроде крупного песка.

Коптилка наклонил ствол, выкатил оттуда снаряд. Снова поднял дуло. Встал на цыпочки, высыпал в него из ведра порох (ведро опять сделалось полным, когда оказалось на полу). Сорвал через голову голландку, затолкал в пушку вместо пыжа. По плечо засунул в жерло ствола руку, утрамбовал заряд.

— Вовка, давай ядро!

Потом сбоку подошел к задней части ствола, насыпал в ямку запала серую щепотку...

— Отойдите подальше! — И чиркнул придуманной зажигалкой.

Ух, шарахнуло! В сто раз сильнее, чем на корабле. Ядро по дуге ушло к черному кораблю и начисто снесло там бизань-мачту.

Но мы не закричали ура.

Какое там ура, если наш собственный корабль, наш золотой клипер медленно уходил на дно.

И ушел.

Остались над синей водой лишь расщепленные обломки мачт.

Стало очень тихо.

В этой тишине заплакала Аленка. А Доня Маккейчик отчетливо сказал:

– Коптилка, отомсти этому мерзавцу.

И Коптилка опять плеснул в пушку ведро пороха. А Голован подал ему придуманный деревянный пыж. А Доня – ядро...

И Коптилка навел орудие поточнее.

Но я крикнул:

– Подожди! Он плывет сюда!

Рыкко в своем волосато-пиратском обличье плыл к берегу. Он стоял в шлюпке, которая сама собой махала веслами.

– Чего ждать-то... – тяжело просопел Коптилка. – В самый раз... Щас из него будут одни брызги.

Но вмешался Кирилка:

– Не стреляй! У него белый флаг!

– Да хоть серый в яблочках... хоть розовый в полосочку, – сказал Коптилка полужнакомые какие-то слова. – Отойдите!

– У него же белый флаг! – отчаянно повторил Кирилка. – Нельзя же!

– Тьфу! – Коптилка плюнул так, что зажигалка погасла.

У Рыкко был не флаг, а целая простыня на жерди. Он ей размахивал изо всех сил.

Шлюпка ткнулась в берег там, где каменная площадь уступами спускалась к воде. Отовсюду понеслось гавканье, повизгиванье, скулёж. Некусачие собаки негодовали на появление пирата. Но издалека.

Рыкко выпрыгнул на гальку широченными морскими ботфортами. Левой рукой оперся о жердь с простыней, правой подбоченился. Заорал как в мегафон:

– Что, лягушки! Хорошую я вам устроил битву при Трафальгаре?! Ха! Ха!

Смотрите-ка, он знал и про Трафальгар! Но, наверно, не помнил, чем там кончил непобедимый адмирал Нельсон. Впрочем, эта мысль у меня едва мелькнула.

Глаза Рыкко горели, как угли среди черного хвоста. Торчащий, как дыня, нос побагровел и был похож теперь на великанский продолговатый помидор. Даже издалека от Рыкко разило самодовольством, будто запахом гнилой картошки.

Мы вылезли через амбразуру наружу. Кирилка сложил рупором ладошки:

— Что вам опять надо от нас?! Зачем вы утопили корабль?! Это же несправедливо!

— Гы-ы-ы, «несправедливо»! Великий и непобедимый, черный и многолапый, бесстрашный и беспощадный... и вообще всякий-всякий Рыкко Аккабалдо выше понятия о





справедливости! Он – носитель Мирового Зла!

– Вы, Рыкко, сукин сын, – отчетливо сказал воспитанный Доня Маккейчик. Уже после и он, и все мы сообразили, каким неуместным было это ругательство на Планете Некусачих Собак. Но сейчас никто не осудил Доню, даже Кирилка.

Рыкко обиженно завопил:

– А еще музыкант! Сын интеллигентных родителей! Лается как на базаре! Тьфу!.. Когда поймаю, тебе это припомнится особо!

– Хватит психовать, давай ближе к делу, Рыкко! – потребовал начальник экспедиции Голован. – Чего тебе от нас надо?

Рыкко шумно подышал, поскреб пятерней-граблей в дремучей макушке и выдохнул на весь берег, на всю бухту:

– Хочу... вашего щенка!

Собаки в отдалении завывали.

– Чего-о? – тонко возмутилась Аленка. И покрепче прижала к груди Мухтарчика, перепуганного выстрелами.

– Зачем тебе щенок, Рыкко? – официальным голосом спросил Голован.

– Зачем, зачем!.. Не ваше дело... Какие хитрые! Улетели, а я там живи один, да?! А так хоть собака будет! Я научу ее рычать на всю Вселенную и кусать каждого, кто прилетит.

– Много хочешь, ящерица! – крикнул Коптилка.

– Отдайте щенка!.. Тогда я больше не буду нападать! И даже помогу вам починить корабль!

– Фиг ему, – тихонько сказал Минька Порох. – Аленка, не отдавай.

– Да я и... никогда в жизни! – Она опять покрепче прижала к матроске Мухтара.

– Можно бы и отдать, – посоветовала Сырая Веранда.
– Их тут вон сколько...

На Веранду глянули так, что ее глаза сразу намокли.

– Отдайте щенка! – снова прокричал Рыкко.

Локки вскочил на низкий разрушенный парапет, повернулся к Рыкко спиной, нагнулся и похлопал себя сзади по белым штанишкам:

– А вот это не хочешь, бандитское ц-рыло?!

И все мы одобрили поступок Локки (кроме Веранды).

Рыкко взревел. Бросил и растоптал белый флаг.

– Тогда я буду атаковать вас!

Он выволок из-под груды волос что-то вроде миномета. Взял его наизготовку и на согнутых лапах двинулся в атаку. Мы кинулись в укрытие. Коптилка опять завозился у пушки, суетливо и злорадно.

– Ну, сейчас... сейчас ты будешь не Рыкко, а дырка в пространстве...

Орудие грянуло, и мы увидели, что снаряд угодил Рыкко прямо в пузо!

Но дырки не получилось.

Да, ядро взорвалось с ужасающей силой и разнесло пирата на множество черных кусков. Однако... куски разлетелись по площади, и каждый превратился в целехонького Рыкко! Штук двадцать! Они одинаково заржали свое «Ха! Ха! Ха!», построились в две шеренги и двинулись на штурм по всем правилам военного искусства. Один нес флаг, но уже не белый, а серый, с какой-то черной загогулиной (возможно, это был символ Мирового Зла). Двое били в большущие барабаны. Остальные начали палить из своих минометов (или из чего-то еще, не поймешь). Столько грохота!

Коптилка пальнул из пушки в ответ, но толку-то! Вра-

гов стало в два раза больше. И стрельба их – в два раза мощнее!

К счастью, ни один снаряд не попал внутрь капонира. Иначе неизвестно, чем бы все это кончилось.

А сейчас кончилось неожиданно.

Наш малыш Локки под выстрелами вылетел наружу. Опять вскочил на паранет. Сдернул голландку, замахал ей над головой. Голован и Доня заорали: «Локки, назад!» – и бросились за этим сумасшедшим. Но выстрелы и барабаны вдруг стихли.

Возможно, Рыкко решил (или решили), что мальчишка подает сигнал капитуляции. Но ведь матроска-то была не просто белая, а с ярко-синим воротником.

И не пиратам сигналил наш Локки!

Он пронзительно закричал на незнакомом языке. К нему подскочила кавказская овчарка. Локки присел, что-то сказал ей и махнул рукой.

Овчарка бросилась вперед.

А за ней кинулось множество собак. Теперь без гавканья и визга, молча. На пиратов.

Все Рыкко сбились в кучу. Затоптались. Пальнули по собачьей стае. Но их снаряды не принесли нападавшим вреда. И не остановили их. Некусачие собаки (кому некусачие, а кому...) были еще и храбрыми.

– А-а-а! Не надо!.. – Это многочисленные Рыкко удались в бег. Брошенные минометные трубы зазвенели на камнях. Рыкко на бегу сбивались все теснее и наконец опять превратились в одного-единственного «непобедимого и беспощадного» и всякого-всякого там...

Этот «всякий-всякий», чтобы легче удирать, сбросил ботфорты. Но собаки догнали «носителя Мирового Зла», и он остался без штанов. Теперь он был похож на конну

гнилого сена с толстыми волосатыми ногами. Черные пятки мелькали, как длинное многоточие...

Наконец Рыкко бухнулся в бухту. Не до шлюпки ему было, он пустился к кораблю вразмашку. И все еще орал сквозь брызги:

– Буль-не надо! А-а-а-буль-буль!..

Несколько собак пустились было преследовать Рыкко по воде. Но скоро вернулись. С довольным видом отряхивались на гальке.

Здоровенный кобель подошел к брошенному ботфарту и поднял над ним заднюю лапу. Второй ботфорт с веселым рычаньем таскали по пляжу два собачьих подраста.

Мухтар на руках у Аленки повизгивал и дергался. Кажется, досадовал, что не смог принять участия в погоне.

Между тем Рыкко мчался к своему кораблю, как толстая волосатая торпеда. У борта он с плеском затормозил и ракетой вертикального взлета взмыл на палубу. Сейчас же под уцелевшими реями развернулись черные, как сажа, паруса. Надулись. Пиратский клипер без одной мачты заскользил к дальнему берегу. Он оторвался от воды – с кия бежали сверкающие струи.

Рыкко грозил с палубы кулачищами. Голос его перекатывался над Флягой Морского Бродяги:

– Погодите, жабье семя! Мы еще увидимся! Еще по-встречаемся! Я еще нажарю шашлыков из лягушатины!..

Мы не отвечали.

Корабль чуть не зацепил днищем за берег бухты и стал уходить в небо. Вот он уже просто черное пятнышко в синеве среди облаков. Просто капля чернил... Точка... Нет ничего...

4.

Мы стояли на берегу и смотрели в небо. Лишь Коптилка сидел, обхватив колени и уткнувшись в них лбом. И мы слышали всхлипы. И один за другим увидели, как голая Коптилкина спина с острыми позвонками вздрагивает.

Кирилка сразу спросил:

– Ты что, Валерик?

Коптилка не стал сердито дергать плечами и говорить «ничё». Слишком большая была беда. Он всхлипнул громче:

– Алик-то... Он же там...

Ой... Ой-ёй-ёй... Как мы могли забыть про жирафёнка! Теперь он был под водой, на затопленном корабле.

Коптилка выговорил сквозь слезы:

– Хотел ведь сперва взять с собой... А потом подумал: зачем таскать на незнакомую планету... Дурак такой... Теперь не достать...

Потом он вскочил.

– А, может, достану! Каюта под верхней палубой, поднырну...

Он сделал шаг к воде. Рядом оказалась Веранда.

– Стой ты, водолаз!.. – Ухватила его за плечо. – Это вам не бассейн на Большой Дыне, а море. – И опять сбросила сумку и платье. – Сидите здесь и не вздумайте меня спасать! Без вас управлюсь...

Не успели мы мигнуть, а она уже в двадцати метрах от берега. И стилем брасс – к кораблю. Не хуже, чем Рыкко!

– К шлюпке! – скомандовал Голован.

Только тут мы вспомнили: у нас же шлюпка! Даже две! Наша и та, что осталось от Рыкко. Пиратская была ближе. Мы попрыгали в нее, и она тут же замахала веслами. Видать, была запрограммирована.

Но как шлюпка ни старалась, догнать Веранду не могла. Когда мы причалили к обломку грот-мачты, никого у корабля не было. Ни на поверхности, ни в глубине. Вода была совершенно прозрачная, только не синяя, как в отдалении, а зеленая. И желтые доски палубы в ней казались тоже зелеными. По ним пробегала светлая рябь. Над ними проносились рыбешки и качались медузы, похожие на большие прозрачные пуговицы.

А Веранда где? Ни слуха, ни духа. Ни всплеска...

– Ясное дело, – глухо сказал Голован. Снял берет и начал стаскивать свою матросскую форму.

Я, глядя на него, тоже.

– А ты сиди. На шлюпке должен остаться командир.

Я хотел заспорить, но тут забеспокоился Мухтар. Вскочил на кормовую банку и давай тявкать! И не зря! Из-за толстого основания бизани хладнокровно выплыла Веранда. Одной рукой гребла – небрежно так, лениво, – а другой волокла по воде за шею полосатого жирафа Алика.

Мы запрыгали, заорали ура, чуть не опрокинули шлюпку (она испуганно замахала веслами). Веранда сказала из воды:

– Чем голосить, как ненормальные, помогли бы забраться.

Но пока мы бестолково протягивали руки, забралась в шлюпку сама. Закинула Алика и рывком перебросила через борт себя. Села и стала молча расплетать похожие на веревки косы.

Коптилка прижал Алика к ребристой груди и животу. Из жирафа побежала вода. (Ох и тяжелый будет, пока не высохнет! Ведь внутри вата).

– К берегу! – скомандовал я шлюпке тоном, не терпя–

щим возражений. И та помчалась к земле так, что весла выгибались и визжали в уключинах.

Приехали...

Собаки ждали нас. Смотрели вежливо-любопытными глазами. Только тут мы вспомнили, что даже не поблагодарили их. И кинулись обнимать и целовать наших спасителей! Всех без разбора! И они сразу же развеселились, начали носиться между нами. Лай, смех, дым (то есть песок) коромыслом! А щенята – те вообще будто с ума посходили. Кувыркались через голову, а некоторые даже ухитрялись ходить на передних лапах. И Мухтар...

Потом все мы (кроме Веранды, конечно, которая расчесывала волосы большущим гребнем) устроили хоровод.

*Аккабалды, Рыкко-бьяки
Нам сегодня не страшны!
Некусачие собаки
С них содрали все штаны, –*

сочинил Коптилка (он плясал, не выпуская из рук мокрого Алика). Мы подхватили песню и не глядели на Веранду, которая пфыкала.

Пусть пфыкает, мы все равно были ей благодарны за жирафа.

Низкое солнце сделалось оранжевым и очень быстро скатилось за дальний мыс. Проклюнулись звезды.

Собаки начали откровенно зевать и укладываться на камнях. Мы улеглись между ними, под открытым небом. Не сразу, но сумели придумать себе войлочные подстилки, чтобы камни не давили бока. А головы мы положили

прямо на собак. Добрые собаки не возражали. Кажется, были даже довольны.

Я лежал затылком на моей знакомой рыжей дворняге. В ней ровно стучало живое сердце.

Звезды над нами светили все ярче. Они были не такие, как в пространствах. Переливчатые. Потому что над планетой струился теплый воздух.

– Ох, что-то есть хочется, – сказал в сумраке Минька.

– И мне, – отозвался Локки. – Странное ц-дело...

Тогда и я почувствовал: хорошо бы перекусить. И правда «странное ц-дело». На астероидах мы никогда не хотели есть (тот случай с капустными пельменями был исключением). Мы могли вызвать в себе голод специально и порадоваться придуманным лакомствам, но чтобы он пришел сам собой – такого почти не бывало...

Оказалось, что и остальные проголодались. Ну и новости!

– Я могу сделать вареники с вишнями, – напомнила Алска. – Помните, как тогда... Только не так быстро, по одному...

– Ох, давай, – простонал Коптилка. – А то пуп к спине приклеился.

И Алска принялась лепить из воздуха вареники. Мы брали их, обмазанные сметаной, прямо в ладони. Сперва каждый получил по одному, потом еще, еще. Такие восхитительные...

– Надо же и собак угостить, – напомнил Кирилка. И мы стали угощать. Собаки вежливо глотали вареники, но добавки не просили. Наверно, придуманное угощение было для них все равно, что воздух.

Да что там собаки! Я тоже чувствовал: аппетитные вареники проскальзывают внутрь и... будто маленькие воз-

душные шарики. Лопнули – и нет их. Даже тоненькой оболочки не остается.

Но почему же тогда Мухтар с таким удовольствием днем лакал придуманное молоко? Может быть, просто ничего не понял по малолетству?

Ладно, завтра что-нибудь придумаем. А сейчас... Позади был такой сумасшедший день, что тело стонало от усталости. Непонятно! На астероидах мы никогда не уставали так сильно.

Звезды над головой расплывались в разноцветные пятна...

Мне приснилось, что мы с мамой купили в магазине «Электрон» телевизор со встроенным видеком. Будто ведем его на хозяйственной тележке по Тополиному бульвару, а навстречу девочка из нашего судомодельного кружка.

– Здравствуйте, Юлия Даниловна! – это маме. – Рындик, привет!

Только Иван Яковлевич да она звали меня так.

– Ты, Рындик, почему не ходишь на занятия? Надо ведь distraивать «Фермопилы», а без тебя – никак...

Я отчего-то очень застенялся, хотя в жизни такого никогда не случалось. Мы с ней были давние приятели и, бывало, дурачились и тузили друг друга, будто оба мальчишки.

– Какие занятия? Ведь каникулы!

– Здравствуйте, откуда ты свалился! Уже октябрь! Юлия Даниловна, скажите ему!

В самом деле, деревья оказались почти голыми, зябкий сухой ветер срывал с них последние листья. Они шуршали на асфальте. А я весь такой летний, в тонкой фут-

болке, со свежими пятнами загара на руках-ногах... Откуда я?

– Ты простудишься! – спохватилась мама. И стала натягивать на меня через голову свой пушистый свитер (от него пахло м а м и н ы м и духами). Я перестал что-то видеть, только мягкая шерсть щекотала лицо. А девочка тянула меня за наполовину надетый свитер и повторяла:

– Идем же, идем, тебя ждут...

Потом что-то стукнуло меня по затылку.

...Это рыжая собака выбралась из-под меня и я тюкнулся головой о пористый песчаник. Собака зубами тянула меня за подол голландки. Разумно так. Деликатно, однако настойчиво.

Я сразу послушался.

Был серый рассвет, башни угрюмо чернели. Собака повела меня не к башням, а в другую сторону, к траве, окружавшей площадь у крепости. Из травы навстречу нам выползла еще одна собака. Крупная, темная. Она тихо скулила.

Я приложил все усилия и сотворил из пустоты круглый корабельный фонарь.

Собака оказалась серая, со светлыми лапами, остроухая, хвост серпом. Наверно, помесь лайки и овчарки. Да не все ли равно! Главное, что она была израненная. Шерсть на спине и голове слиплась от высохшей крови. Заднюю лапу собака волокла, как перебитую.

– Эй! Скорее сюда! – закричал я на всю планету. – Вставайте! Веранда, возьми сумку!

Примчались ребята. Примчались собаки, сели вокруг, тихонько заскулили. Веранда молча распахнула сумку, достала пузырьки и моток бинта...

Последними прибежали Коптилка и Аленка. Оно и понятно: неловко со зверями на руках. У Аленки – Мухтар, у Коптилки – Алик. Веранда поливала из пузырька марлевый тампон, протирала им на голове собаки рану. Собака повизгивала и пыталась лизнуть Веранде руки.

Мухтар вдруг извернулся на руках Аленки, выскользнул, плюхнулся на живот и толстые лапы. Кинулся к собаке, ткнулся мордашкой в ее морду, облизал, заскулил.

Никто ничего не сказал.

Сразу ясно – это его мама, которая чудом выбралась из-под завала.

5.

Веранда наложила на перебитую ногу собаки лубок. Забинтовала голову. Мы отнесли собаку на травяную подстилку между двух плоских камней, которые домиком соединялись вверх. Придумали глиняную плошку, набрали в нее для собаки настоящей воды – из родника, что пробивался у одной из башен и ручейком бежал к бухте.

Потом напились сами.

И сразу опять захотелось есть.

Мухтар не отходил от матери. Аленка бродила с непонятным лицом. Конечно, она была рада, что Мухтар больше не сирота. Но было ясно, что теперь покидать родную планету он не захочет.

Значит, зря мы летели сюда через тысячу пространств?

– Может, есть еще щенки без матерей? – неуверенно спросил Минька.

– Ц-нету, – отрезал Локки. – Я спрашивал.

– Что же делать? – угрюмо спросил Голован. – Не ждать же нового несчастья.

Локки сказал, что это было бы «цвинство».

Солнце взошло и сразу стало изрядно припекать.

Мы искупались в настоящем море.

А что дальше?

Ушли в тень – в капонир с нашим боевым заслуженным орудием. Оно остыло за ночь, но все еще резко пахло порохом и обожженной медью.

Собаки за нами не пошли, мы были одни.

– Корабль-то мы поднимем и восстановим, – сказал Голован. – Придется, конечно, повозиться, это ведь не там, не в Поясе, но как-нибудь справимся... А что потом? Возвращаться на астероиды?

Я посмотрел на ребят и понял: никто не хочет возвращаться. Даже Веранда. И я не хотел. Было там беззаботно и... безнадежно. Хотя и весело порой. И красиво. Мы там всё могли. То есть почти всё. Только – зачем?..

– Можно остаться здесь. Плавать по морю и делать открытия, – неуверенно предложил Минька.

– И, может быть, найдем людей, – поддержал его Кирилка.

– Людей нет, – сумрачно сообщил Локки. – Они улетели много веков назад. Что-то случилось, и все они отправились на другие планеты. Это сказали собаки... Люди бросили здесь домашних псов, те стали вольными и сделалось их много. А других крупных об... биб... тат...

– Обитателей, – подсказал Доня.

– Ц-да. Других нету. Мелочь только.

– Ну... – еще неуверенней сказал Минька, – можно ведь и одним жить. Пока... А потом мы, может быть, тут сделаемся взрослыми. И тогда... – Он порозовел.

Все поняли, что хотел сказать простодушный Минька.

– Это были бы придуманные дети, – угрюмо отозвался Голован.

Я не был с ним согласен. Почему придуманные?.. Но... как мы тут семеро и одна Аленка? Белоснежка и семь гномов... Веранда не в счет. Потому что она хотя и спасла Алика, но кто же такую унылую швабру возьмет в жены?

– Вероятно, есть смысл после ремонта корабля продолжить путешествие. Возможно, мы откроем новые планеты, – предложил Доня. Он сидел в уголке и пытался соорудить новый аккордеон, только ничего не получалось.

Голован сердито сообщил, что новых планет мы не откроем. Надо знать координаты. У этой-то координаты были известны – обратные Планете Кусачих Собак (которая нам совершенно не нужна). А где другие? Тыкаться по всему космосу, как слепые котята?

– Можно и потыкаться, – вполголоса сказал Коптилка. – Вдруг... наткнемся на Землю?

– Никогда не наткнемся, – отрезал Голован. Безжалостно, чтобы не было напрасных надежд. – Вы забыли? «Обратной дороги нет»...

С минуту мы сидели примолкшие. Коптилка вдруг предложил:

– Пошли, искупаемся еще раз. Алик посохнет на пляже. А то он все еще набухший.

И мы пошли. Собаки проводили нас до кромки берега. Сидели и смотрели, как мы бултыхаемся в прогретой воде на отмели. Вежливо нюхали сохнувшего Алика.

Мы выбрались из воды и растянулись между собак на мелкой гальке. Рыжая опять легла со мной рядом. Мы хорошо накупались, только есть хотелось еще сильнее. До стона в желудке.

– Надо улетать, – будто прочитал мои мысли Голован.
– Мы скоро порем тут с голоду, придуманная пища не годится. Здесь почти земные законы. А еды нет.

– Но ведь собаки чем-то питаются, – возразил Доня. – Не едят же они друг друга. Каннибализм в собачьей среде не развит.

Локки объяснил:

– Они ищут яйца морских черепах. Некоторые умеют ловить рыбу. А еще охотятся на песчаных кротов и сусликов.

– Мы тоже можем искать яйца и ловить рыбу, – сказал Кирилка.

– Ох уж из нас рыболовы, – заметил Голован.

– Или ловить сусликов, – вставил Минька. Непонятно, всерьез или так, дурачась.

– Гадость, – сказала Аленка. – И жалко их.

– Сперва жалко, а с голоду кого не сожрешь, – вздохнул Коптилка. – Даже живьем...

– Пфы...

«Посмотрим, как ты запфыкаешь через пару дней», – мысленно сказал я Веранде.

Голован поднялся на локтях и спросил по-деловому:

– Вов, сколько времени требуется для ремонта?

Я понятия не имел. Ясно только, что не одна неделя.

– Надо ведь сперва поднять. А здесь вон какая сила тяготения...

– Ц-кушать хочу, – сообщил Локки. Пока еще с шутиливой ноткой.

– А в вашей стране было людоедство? – спросил Голован.

– Еще ц-чего!

– Но жертвы-то человеческие были!

– Это разные ц-вещи!

– Прекратите такие разговоры, – жалобно попросил Кирилка. – Это же... даже если в шутку, все равно несправедливо.

– Какие шутки, – с голодным вздохом сказал Голован. – Надо смотреть суровой правде в глаза. С кого начнем? Давайте с Маккейчика. Музыканты самые вкусные... – И он ухватил Доню за пятку.

– А-а-а! Я же худой! У меня наследственный гепатит в скрытой форме! Вы заразитесь!

– Переварим тебя худого и с гепатитом...

Доня на четвереньках убежал в сторону и стал рассказывать черному тьерьеру, какие мы нехорошие. При этом использовал слова, не характерные для сына интеллигентных родителей.

Мы еще немного подумрачились и опять заскучили.

Раньше мы могли промчаться в пространствах за один миг на любые расстояния. Могли бы в пять секунд оказаться на астероидах. Но корабль нас лишил этого умения. И опять же – что там делать, в Поясе?

Доня на четвереньках снова подошел ближе. Прилипшая галька часто падала с его тощего живота.

– Господи, что за жизнь – с почти настоящей тоской сказал Доня. – Что делать – непонятно. Куда деваться – неизвестно. И спросить некого.

Мне эта его тоска совсем не понравилась. Я даже разозлился:

– А ты чего хотел? Чтобы стояла будочка, а на ней вывеска? «Справочное бюро»?

– Неплохо бы, – сказал Доня, глядя поверх голов. И вдруг округлил глаза. – Ой... смотрите.

Мы нервно оглянулись.

За нами была плоская желтая скала. На ней белели неровные, будто мелом написанные буквы:

СТРАЗОЧНОЕ БЮРО

А под буквами – белая стрелка.

6.

Оказалось, что от скалы тянется в направлении стрелки тропинка. Кто ее протоптал? Собаки?

Мы пошли. Колючие головки сухой травы дергали нас за штаны. Будто просили: останьтесь! Но как могли мы остаться, когда такая надпись и стрела!

Собаки, чуть поотстав, провожали нас длинной вереницей.

Шли мы долго. На плоских камнях время от времени попадались белые стрелки: мол, правильно шагаете. Да и тропинка была единственная.

Здесьнее солнце жарило с высоты.

Наконец Коптилка проворчал:

– Кто-то нам просто пудрит мозги.

Жираф Алик помотал над его плечом головкой на упругой шее: нет, не пудрит.

– Кто бы там ни был, узнать-то надо, – рассудил Голован.

Наконец мы увидели на сером камне еще одну стрелку – она упиралась в белую вертикальную черту. Словно говорила: пришли.

А куда пришли-то? Ничего не было. Только круглая, покрытая бугристыми плитками площадка, а на ней все та же пыльно-желтая трава, только пожизе и пониже. И так же, как всюду, торчали камни разной формы. Посреди пло-

щадки – самый высокий. Глыба серого ракушечника чуть выше человеческого роста.

– Вот и приехали, – сказал Коптилка. И сел на плитки перед камнем. И остальные сели. Потому что куда еще идти-то? Мы изжарились от зноя. Чесали исцарапанные ноги и оглядывались... Собаки не пошли за нами на площадку, остались неподалеку, в траве.

Я уныло смотрел на ракушечную глыбу. Она слегка напоминала памятник. Будто какая-то особа в длинном платье сидит в кресле на постаменте метровой высоты.

– Глядите, – хмыкнул я. – Может, это и есть сотрудни-ца справочного бюро?.. Простите, сударыня, вы не могли бы ответить на несколько вопросов?

Произошло шевеление воздуха. Камень превратился в сидящую старуху. Так в сказочных фильмах оживают всякие предметы – бесшумно и в одну секунду.

Никто, кажется, не удивился: насмотрелись уже на всякое. Но, по-моему, все обрадовались.

Это была не просто старуха, а старая дама. В шляпке и очках-пенсне со шнурком (как у Чехова). У груди она держала распахнутый веер из перьев. Серое платье с кружевами спускалось с постамента.

Дама стрельнула в меня блеском очков.

– Не следует иронизировать, молодой человек. У нас вполне серьезное учреждение.

– Простите, – пробормотал я.

– Ближе к делу. Что именно вас интересует?

– Мы не знаем, что делать дальше, – честно объяснил Кирилка.

– Это зависит от того, ч е г о ж е вы хотите...

А чего мы хотели?

– К сожалению, это самый трудный вопрос, – объяс-

нил воспитанный Доня. — К сожалению, мы знаем конкретно лишь то, чего не хотим. Возвращаться на астероиды.

И все согласно зашевелились.

Старая дама обвела нас взглядом поверх очков.

— А, собственно, что вас не устраивает на астероидах?

Мы запереглядывались. Как ей растолковать?

— Трудно сказать, — наконец выговорил Голован. — Мы не видим смысла. Не знаем, зачем мы там.

— Так-так, — сказала дама с особой интонацией. — Вам нужен смысл?

— А как же, — осторожно подтвердил Кирилка. А Минька Порох сказал со слезинкой:

— Почему мы там одни? Никаких ребят больше нет. Взрослых тоже нет...

— Взрослые попадают в иные миры. В соответствии со своими склонностями, заслугами и устремлениями. А для вас... Видимо, так было задумано: играйте, развлекайтесь, делайте что хотите. Разве не о такой жизни мечтали вы раньше?

— Нет, конечно! — звонко воскликнула Аленка. — Мы хотели быть с теми, кто нас любит! А еще мы хотели когда-нибудь вырасти, сделаться взрослыми.

— А вот с этим сложно, — вздохнула старая дама. — Взрослыми становятся только на Земле... То, что вы там не успели вырасти, это вообще ненормальность. Нарушение законов Всеобщей Природы. Отсюда и такие вот... несообразности с вашим обустройством. Человек не должен попадать в иные миры, пока он не вырос на родной планете...

— Кто же ц-виноват? — дерзко спросил Локки

— Никто, голубчик... Понятия «виноват» и «не вино-



ват» слишком узкие и носят чисто земной характер... Впрочем, каждому в конце концов воздастся по его делам.

Вежливый Доня спросил:

– Простите, а когда?

– Понятие «когда» тоже относительно. Природа Времени – особая тема.

– А как это «воздастся»? – подала опять голос Аленка.

– Милочка моя! – Дама впервые улыбнулась впалыми серыми губами. – Уж тебя-то никак это не должно волновать.

– Ну, почему же?... А вот бабушка говорила, что когда человек заканчивает жизнь на Земле, его отправляют в ад или в рай. В рай – это в небесное царство, прямо к Богу...

Старая дама подобралась, опустила веер.

– Все мы на пути к Богу... Только путь этот ох как сло-



жен. Неизвестно, сколько надо пройти, чтобы приблизиться к престолу и вложить свой кирпичик в фундамент Всеобщей Гармонии.

– Это как? – спросил Минька Порох.

– Я сложно изъясняюсь, да?

– Нет, вполне доступно, – утешил ее Доня. – Вы не волнуйтесь, мы потом ему растолкуем.

– Хорошо... Видите ли, Вселенная еще очень молода, она в процессе становления, у многих экспериментов бывает сбой...

– Как с нами? – не выдержал я.

– Видимо, да, голубчик...

– Ну и скажите же нам тогда, пожалуйста, что же нам теперь все-таки делать? – со звоном отчаяния опять вмешался Кирилка.

– А чего вы хотите больше всего?

Тогда я посмотрел старухе прямо в лицо. Глаза ее за очками были непонятные, будто в темном тумане... Зачем она мучает нас?

– Вы же знаете! То, чего мы хотим больше всего, невозможно! Обратной дороги нет!

Она не рассердилась на мой крик. Положила веер на колени, скрестила руки с кружевными манжетами.

– «Обратной дороги нет». Но есть просто Д о р о г а...

Мы притихли. Будто сквозь солнечный жар повеяло резким холодком.

Наконец Аленка шепнула:

– А что это такое?

– Д о р о г а? Это Всеобщий Звездный Путь. Он идет по всем мирам...

– Ну и что? – негромко сказал Голован.

– Ну и то... По Дороге можно прийти куда угодно. И

встретить кого хочешь. Были бы желание и терпение... Другое дело, что не каждый может попасть на нее.

Локки тихонько спросил:

– А мы... нас пустят ц-туда?

– Вас – да. Только всех вместе.

– Простите, а за что нам такая привилегия? – недоверчиво проговорил Доня.

– Н-ну... вы заслужили. По меньшей мере, тремя делами. Вы построили замечательный корабль. Вы спасли собаку. Вы ни разу не поссорились по-настоящему и не оставили друг друга...

«Корабль погиб, – мелькнуло у меня. – Собака сама выбралась из-под завала. А ссоры... Да мы не ругались, но чуть-чуть не улетели без Кирилки и Веранды».

Старая дама снова посмотрела на меня.

– Корабль не погиб... во Времени. Собака умерла бы без вашей помощи... А «чуть-чуть» не считается... Только я должна сказать сразу: на Дороге вас не обязательно ждет удача. Все зависит о вас самих...

– А что надо делать? – подался вперед Минька.

– Что делать... Чтобы прийти туда, куда хотите, надо, как в известной сказке, сносить семь пар железных башмаков...

– Это, разумеется, в переносном смысле? – сказал Доня.

– Отнюдь... – Старуха махнула веером, и перед каждым из нас упала металлическая груда. Со звоном и грохотом. Нас ударило запахом холодного железа. Мы перепуганно заелозили на каменных плитках, отодвинулись подальше.

Это и правда оказались железные башмаки. Остроносые, с пластинчатым верхом, вроде как от рыцарских доспехов.

– Ни фиги себе, – выдохнул Коптилка. – Как в таких шагать-то?

– А вы примерьте...

Я потянул к себе тяжелую, как старинный утюг, туфлю. Сунул ступню в железо... Рыцарский башмак превратился в обычную бело-синюю кроссовку.

– Видите, внешне башмаки вполне обыкновенные, – заметила старая дама. – Даже под цвет ваших костюмов. Но прочность у них железная, да и тяжесть немалая... Первую пару надевайте сразу. Остальные шесть возьмите с собой... Когда башмаки развалятся на ногах, надевайте другие. Но не раньше...

– А в чем их тащить, запасные-то? – сказал Минька.

– Ах, да... – И на железные груды упали девять брезентовых рюкзаков. Довольно потрепанных.

Мы с лязгом уложили в рюкзаки железную обувь. Пока не на ногах, в кроссовки она не превращалась. Приподняли мешки за лямки. Ого-го!...

– А помогать друг другу можно? – спросил Кирилка.

– Можно. Нельзя только снимать башмаки, когда идете. Тот путь, что пройдете без них, считаться не будет.

– А если мы спутаем, какой башмак из какой пары? – вдруг спросила Веранда. До этой поры она не произнесла ни словечка.

– Совершенно не важно... И вот еще что! Время придуманных деликатесов для вас кончилось. В мешках вы найдете по буханке хлеба и фляжки для воды. Воду можно набрать в любом ручье. А хлеба, если станете расходовать экономно, хватит надолго. Но, увы, не на весь путь. Придется вам как-то выкручиваться. Впрочем, на пути не без добрых людей... Ступайте, голубчики. Дорога на-

чинается прямо здесь, вон за тем камнем...

И старая дама превратилась в камень.

Мы постояли над рюкзаками.

– Вот такие дела... – сказал Голован. – Пошли, что ли?

И вдруг на площадку «справочного бюро» вышли собаки. И мы вспомнили – надо же попрощаться!

Мы гладили собак, трепали их по ушам, говорили им спасибо. Я опять поцеловал свою рыжую знакомую в нос. Аленка прижала к груди Мухтара. Его мать прыгала рядом на трех ногах, на четвертой был марлевый лубок.

Локки обнял кавказскую овчарку. Потом что-то прошептал. И собаки дружно, как по команде, ушли в густую шелестящую траву. Будто их и не было.

– Что ты им сказал? – спросил я.

– Ц-лишние провода – ц-лишние слезы...

7.

Мы надели рюкзаки. Нас зашатало с непривычки. И ведь не придумаешь невесомость, не те места.

За камнем, на который указала старая дама, увидели мы дорогу. Обыкновенную сельскую дорогу в траве, будто накатанную телегами. Мы пошли по колеям двумя вереницами. В колеях синели какие-то цветы, вроде цикория. Не надо бы их топтать, да как уследишь, когда мотает от тяжести и ноги будто пудовые.

Голован замыкал правую вереницу, я – левую.

Голован сказал:

– А какой интересный старик, да? Борода золотая, будто из овса.

– Какой старик?

– Ну, этот, «справочное бюро»...

Вот тебе и на!

Малыш Локки оглянулся на нас.

– Какой же это старик? Он даже не ц-человек! У ц-человеков не бывают клювы и перья!

Остальные тоже заоглядывались. Наверно, там, на каменной площадке, каждый видел «сотрудника справочно-го бюро» по-своему. Но никто больше не заспорил – солнце жарило, лямки резали плечи. Голован забрал рюкзак у Локки. Доня – у Аленки. Я хотел взять у Кирилки, но он заупрямился:

– Нет! Это несправедливо...

– Иди ты со своей справедливостью! Сейчас упадешь.

– Ну... вот если буду падать, тогда...

К счастью, впереди оказался мостик, а под ним ручей. Мы сбросили рюкзаки и башмаки. Умылись, проглотали прохладной воды из ладоней. Поболтали в воде ногами. В рюкзаках, и правда, поверх башмаков у каждого лежала буханка хлеба и солдатская фляжка в брезентовом чехле. Мы наполнили фляжки по самые горлышки.

Потом перешли мостик и двинулись дальше.

В траве стоял сухой стрекот. Кузнечики, что ли? Затем в этот стрекот вплелся другой, более громкий и механический. Над нами пронеслась громадная птица. У нее были черные с желтыми зубцами крылья...

Да не птица это, а дельтаплан с мотором! Он сел в сотне шагов впереди нас. Из него выбрался толстый косматый пилот.

– Ну вот, началось, – уныло сказал Минька. Потому что пилотом был, конечно же, Рыкко Аккабалдо.

Мы остановились, а он шел к нам, постепенно увеличиваясь в размерах.

– Вот теперь-то он точно сожрет нас с потрохами, – грустно сообщил Доня Маккейчик. – Коптилка, ты можешь придумать пушку?

Коптилка сказал равнодушно:

– Не-а...

Рыкко приблизился. Глянул углями сквозь черное сено. Кулачищем вытер под носом-дыней.

– Послушайте, господин Аккабалдо, – убедительным тоном начал Доня Маккейчик. – Вы, конечно, носитель Мирового Зла и все прочее. Но, может быть, хоть капля совести у вас имеется? Что вы связались с детьми младшего и среднего школьного возраста? Смотрите, среди нас есть совсем маленькие.

– Ага... – прогудел Рыкко. – Особенно вон тот коричневый, который на меня собак натравил... Да ладно. Я же нынче не ссориться пришел, а так... попрощаться.

Мы открыли рты. Изумленно и недоверчиво.

– Ну да... – вздохнул он. – Уходите, значит? Жаль, по правде говоря. Когда рядом были, оно как-то веселее. Бывало, ссорились, конечно, зато интересно. А теперь что...

– Мы иногда сами были виноваты, – сказал Кирилка.

– Теперь чего считать, кто сколько виноват. Дело, можно сказать, прошлое. Я вот что... подарок вам сделать хочу.

– Бойтесь данайцев, дары приносящих, – сказал Голован, охломонистый снаружи, но образованный внутри.

– Да нет же, я по правде! Без этой, значит, всякой... без диверсии. Потому что корабль-то ваш я все-таки зря потопил. Сгоряча вышло... Ну и за это берите мой.

– Да нам теперь вроде и ни к чему, – смущенно отозвался Голован.

– Это сейчас ни к чему, а после кто знает, как оно обернется...

– Но зачем нам черный корабль! – тонко возмутилась Аленка. – В нем одно только зло!

– Э, милая моя! В кораблях не бывает зла. Зло – в тех, кто плывет на этом корабле. Или не зло, а наоборот. От того зависит, кто что везет. Можно и динамит, и новогодние подарки...

– А где он, ваш корабль-то? – недоверчиво сказал Минька.

– Да вот он, вот! Давайте руки... – И Рыкко толстыми, как черные огурцы, пальцами начал укладывать нам в ладони бумажки. Будто черные метки!

Это были кораблики, вырезанные из вымазанной сажею бумаги. Силуэтики. Невесомые...

– Издеваешься, да? – сумрачно сказал Коптилка и хотел скомкать бумажку.

– Да вы не сомневайтесь! – Рыкко прижал лапы к открытой волосами груди. – Это он и есть, мой корабль. Только сейчас в таком виде, для удобства. А захотите полететь – приклейте к стенке и дыхните на него. И он превратится в тот самый. Вот... клянусь всем существом-веществом-естеством!

И мы почти поверили.

Только Локки не поверил.

– Но он же был один! А здесь целых ц-девать!

– Это для удобства. Чтобы у каждого был на всякий случай. А захотите лететь вместе – склейте их, еще прочнее будет... Оно ведь как в природе-то! Один и множество – это часто одно и то же. Называется «диалектика». Вот он знает... – Рыкко глянул на Голована.

Голован смотрел исподлобья.

– А как же ты сам-то будешь без корабля? На этой тарыхтелке с крыльями до астероидов скоро не доберешься.

– Доберусь, если надо, у меня опыт... А с другой стороны, что мне там делать одному-то? Устроюсь, может, в другом месте... Ну, не поминайте лихом! – Он помахал черной пятерней над заросшей макушкой, повернулся и тяжело побегал к дельтаплану. И все уменьшался в размерах.

Дельтаплан затрещал. Взмыл и пропал.

Мы поразглядывали кораблики.

– Не такие уж они черные, – сказал Минька.

И правда, корабельные фигурки были, скорее, темно-синие. На них что-то поблескивало – будто прилипли сахарные крупинки. А обратная сторона – вообще желтая, как простая оберточная бумага.

Мы спрятали кораблики в карманы рюкзаков. Опять надели на плечи брезентовые лямки. И с этого момента началась настоящая Дорога.

Семь пар железных бабашков

1.

Если смотреть по протяженности времени, то главное место в этой истории должна занимать именно Дорога. Столько она тянулась! И столько на ней случилось!

И по стольким разным краям прошли мы по ней...

Иногда она пролегалa по бесконечному арочному мосту, повисшему в пустоте, среди созвездий. И тогда на нас опять дышал космос. Дышал настоящим холодом, не

то, что на астероидах. Иногда она вела нас по каньонам – такая глубина была там, что небо казалось узкой щелью. Порой мы шли по краю воронок, где пространство завихрялось и уходило в черную глубину... Но бывало и так, что Дорога превращалась в обычный проселок среди лугов и перелесков. С ромашками в колеях. И тогда было замечательно: бабочки, всякие пичуги в листве, а в не-большом отдалении – деревни с колокольнями и мельницами...

А случилось, что мы шли по широченным каменным плитам. По сторонам от дороги стояли белые и желтые развалины с колоннами и разбитыми статуями. Навстречу нам попадались устало бредущие воины в древнеримских доспехах. В одиночку и группами. На нас они не обращали внимания. Кажется, даже не видели.

Впрочем, встречали мы и нагоняли и всяких других людей. Крестьян с мешками и сеном на телегах, смуглых мудрецов с белыми бородами, в тюрбанах и халатах; конных рыцарей, чьи латы брякали, как большие бидоны брякают крышками; бродячих музыкантов со скрипками и помятыми трубами; мужчин и женщин из неизвестных нам племен – в странных нарядах и головных уборах; солдат из непонятно каких армий; художников с мольбертами и растрепанными волосами... И много еще кого повидали мы на Дороге. Мы не удивлялись. Здоровались – нам иногда отвечали.

Детей было мало. Чаще всего – малыши у женщин со строгими лицами. Женщины эти всегда шли прямо, как по натянутой нити, смотрели только перед собой. Им все уступали путь.

А еще были замурзанные пацанята и девчонки в цыганских таборах. Они с шумом и любопытством обступали нас.

Цыгане нас кормили и разрешали ночевать под навесами. Это было здорово! Потому что чаще всего приходилось проводить ночи под открытым небом. Иногда мы разжигали костер. А бывало, что умаемся, свалимся у обочины, прижмемся друг к другу и сразу засыпаем.

Изредка нас обгоняли странного вида машины. Они были похожи на причудливые паровозы с большущими медными шестернями по бокам и трехэтажными надстройками. Ехали они, конечно, не по рельсам, а просто так. Кто там внутри, мы не разглядели ни разу.

И лишь однажды мы видели обыкновенный автомобиль. Это был КамАЗ, груженный доверху березовыми дровами. И номер его – ТЗМ 52-52. Кирилка обрадовался и сказал, что это хорошая примета...

Хлеба нам хватило дней на двадцать. Отломишь горбушку, а потом смотришь – буханка опять почти целая. Но в конце концов «эта лафа кончилась», как выразился Коптилка. Мы стали просить еду в окрестных деревнях и у тех, кого видели на Дороге. Надо сказать, нам редко отказывали. Наша матросская форма как-то незаметно превратилась опять в ту одежду, которая была у нас на астероидах. Локки шагал теперь в своей одеяльной накидке с прорезью для головы. Она была надета поверх рюкзака.

К тяжести рюкзаков и обуви мы постепенно притерпелись. Правда, иногда все же брали у Аленки и Локки рюкзаки – пусть отдохнут. А случилось, брали и у Кирилки. Он, конечно, с твердым характером, но силенок-то... Один раз я хотел взять рюкзак у Веранды: все же девочка. Но она, конечно, сказала «пфы».

Бывало, что шли мы и ночами. Мне почему-то очень





лесу. Кругом была сплошная чернота, мы ступали в песчаных колеях наугад. Пахло хвоей и грибами. А высоко-высоко в темно-синем небе чернели острые вершины и между ними переливались голубые и белые звезды. Такие далекие, уже совсем не наши...

Несколько раз наступала осень, а потом зима. Добрые тетушки в придорожных хуторах собирали для нас теплые куртки, штаны и шапки. А один раз мы даже получили овчинные полушубки – старые, но теплые.

Замаскированные под кроссовки башмаки снимать было нельзя. Но мы надевали поверх них взрослые подшитые валенки. А если валенок не было, обматывали ноги тряпками.

И шли, шли, шли...

Зимой мы строили для ночлега снежные хижины. Или – чаще всего – ночевали в тавернах, что попадались на пути – в таких старых приземистых домах, где было шумно, тепло и пахло всякой едой. Там распоряжались толстые решительные хозяйки. Нас они встречали по-доброму. И поесть дадут, и покажут место, где можно улечься на ночь, и потом еще на прощанье положат в рюкзаки хлеба или пирожков...

Но зимы были не долгие. Смотришь – опять весна, а за ней гудящее шмелями и рокошующее грозами лето. Когда тепло – совсем другая жизнь. И ягод можно набрать у края Дороги, и яблок нарвать в садах, что часто тянутся по обочинам, и молока попросить у пастухов. И все люди летом на Дороге добрее.

Но не думайте, что мы то и дело видели людей. Порой Дорога на долгие недели оставалась пустынной. То голая степь, то ущелья и чащи, то опять висящие в пустоте мосты. Или совсем непонятные пространства, где в темноте

как бы пересекалось множество плоскостей. Словно мы букашки и движемся по громадным листам черной скомканной бумаги. Чтобы не запутаться, не пропасть, мы крепко держались за руки... И когда после такого пути мы выбирались под солнечный свет и снова встречали кого-нибудь, это было счастье. Казалось даже, что мы уже на Земле.

Но нет, мы были не на Земле. Доказательство – то, что мы не выросли.

Мы теперь уже редко думали: что будет дальше? Шли и шли.

Иногда нам было легко и весело. Дурачились, поддразнивали друг друга, пели песенки, которые придумали на корабле, и сочиняли новые. Без досады, со смехом вспоминали Рыкко.

– Вообще-то он ничего мужик, только слишком заводной, – говорил Коптилка. – Верно, Алик?

Полостый жираф Алик у него на руках согласно мотал ушастью и рогатой головкой на гибкой шее. Улыбался широким ртом. Блестел глазами-пуговками. Кстати, не всегда Алика нес Коптилка. Мы тоже несли, по очереди.

Дорога стала нашей жизнью. Когда она кончится для нас, никто понятия не имел. Железные башмаки – они же почти навечно...

2.

Первые четыре пары башмаков мы истрепали одновременно. Посреди пыльного шляха с пирамидальными тополями я вдруг увидел, что мои кроссовки опять превратились в железные туфли. Их острые носки зарылись в песок. Я дернул ногами. По железу быстро

пошла ржавчина, и оно превратилось в рыжую труху. Я даже испугался.

– Ребята...

Оказалось – у них то же самое! У всех!

Мы вытащили из рюкзаков другие башмаки. На наших ногах они тоже стали кроссовками. А скоро – опять ржавчина и труха. И потом третья пара так же. И четвертая. У каждого!

Мы ликовали! Значит, прошагали больше половины пути!

Но радость была недолгой. Заболел Кирилка.

До сих пор мы совсем не болели. Усталость, царапины и шишки, заработанные в пути, не в счет. И мы не сразу поняли, что с Кирилкой. Ноги заплетаются, как два жидких прутика, лицо в каплях пота.

– Кирилка, устал? Давай рюкзак.

– Я не устал. Я... просто не могу... – И сел посреди мощенного булыжником тракта.

Мы отнесли его в травянистую обочину, подложили под голову рюкзак. Веранда потрогала его лоб, ухом приложилась к груди. Сумрачно сообщила:

– Кажется, он совсем плох.

– Разве мы можем болеть по-настоящему? – не поверил Голован.

– Значит, у ж е можем, – сказала она. И достала из санитарной сумки градусник. Наверно, придуманный, с корабельных времен. Однако температуру он показал не придуманную. И страшную – сорок с половиной.

...Однажды, давным-давно, у меня тоже была такая температура. При жестокой ангине. Мне казалось, что на грудь навалили гору камней, и вообще чудилась всякая чертовщина. Не хватало воздуха... Мама в панике вызвала скорую...

А тут кого вызовешь? Даже никакой деревеньки нет поблизости, где можно отыскать хоть какого-то лекаря или знахаря. И на тракте, как назло, совершенно пусто.

Веранда вытащила марлевую салфетку, намочила из фляжки, положила Кирилке на лоб. Он улыбнулся через силу:

– Спасибо.

Но скоро его затряс озноб. Локки стащил через голову накидку и укутал Кирилку. А сам – коричневый и несчастный – сел рядом на корточки. Он страдал, кажется, не меньше Кирилки.

А мы все стояли вокруг в полной тоске.

Веранда виновато сказала:

– У меня нет лекарств. Да и не помогут здесь придуманные-то...

Мы понимали, что не помогут.

Мы понимали, что Кирилка умрет. И что с ним сделается потом? Куда он улетит, в какие края? Главное, что его не будет с нами!

Но почему, почему это случилось!..

Кирилка закрыл глаза. То ли спал, то ли бредил тихонько. Голован склонился над ним и быстро выпрямился.

– Слушать меня всем! Достать кораблики Рыкко! Делаем корабль! Выход один – астероиды. Может, успеем вернуться, там он не умрет!

Вот так... Когда столько всего испытали. Когда пройдено больше половины пути!..

Но мы не сказали ни словечка. Остаться без Кирилки было невыносимо. Никто нам этого не простит. Ни звезды, ни галактики, ни добрые собаки с желтой планеты, ни та старая дама из «справочного бюро» (или кто она там), ни

запомнилось, как Дорога тянулась по ночному еловому даже Рыкко Аккабалдо. А главное, мы не простим – ни себе, ни друг другу.

Да и при чем тут «простим – не простим»? Вообще – как мы без Кирилки-то?

Мы начали торопливо доставать кораблики из рюкзачных карманов. Лишь бы успеть! И услышали, как зашумел и стих мотор.

У обочины стоял автомобиль. Белый фургон с красным крестом! Вот счастье!

От фургона шагала к нам решительная грузная тетя в белом халате, в белой шапочке и с саквояжем.

– Ну-ка, что тут у вас?.. Та-ак, догулялись, красавчики. Несите мальчика в машину! Быстро!

Доня и я послушались, приподняли Кирилку за плечи и под коленки. Но Голован спросил:

– Куда вы его?

– В больницу, конечно!

– В какую? – робко сказала Аленка.

– В какую, в какую! В ближнюю! В пяти километрах город Клёнов. Ступайте туда следом за машиной, там спросите больницу номер один. В ней и будет ваш приятель... Ну, шевелитесь!

– Она врет! – вдруг сказал Локки. – Нету вблизи города. Ц-никакого!

– Что-о!? Ты как разговариваешь со старшими, малявка голозадая!

– Сама ц-такая! – заявил Локки. А рядом с ним встал Минька.

– Да, она врет! Не отдавайте Кирилку!

Толстое теткино лицо перекосилось... Нет, не перекосилось, а как бы раздвоилось.

Однажды со знакомой девочкой из кружка (я о ней уже упоминал) мы в темной комнате печатали снимки с нашего клубного праздника. Один раз мы нечаянно сдвинули фотобумагу под кадром с гостями-зрителями и проявилось двойное изображение. Среди гостей, впереди всех, сидела полная женщина. Кажется, инспекторша какая-то. И вот ее двойное лицо... оно просто перепугало меня! Нос разъехался, одна улыбка – на горле, а во второй улыбке, в зубах – блестящий круглый глаз. Было в этом что-то как из сказки о вампирах. И девочка тоже сказала: «Какая жуть!» Я скомкал и бросил в урну мокрую фотокарточку.

...И вот сейчас, у этой тетки, лицо так же расплзлось. И проступил сквозь него то ли череп, то ли... даже не знаю что. Но я знал другое: никакой она не врач! Я догадался, кто это...

Но еще раньше догадалась Веранда. Она села. Быстро, но ласково притянула к себе Кирилку, положила его голову на колени.

– Немедленно отдай мальчика! – взбеленилась тетка.
– Он не твой!

– А чей? Твой, что ли?

– Евсей Фёдорыч! – заголосила эта фальшивая врачиха. – Идите сюда! Надо забрать больного!

Из кабины выбрался квадратный дядька в форменной фуражке и черной фуфайке. Видимо, шофер. Тяжело зашагал к нам, растопырив руки. Но мы встали у него на пути. Плечом к плечу. Даже коричневый малыш Локки с тощей, как у цыпленка, ребристой грудью. Даже смиренная конопатая Аленка. А Коптилка схватил за шею жирафа Алика замахнулся им, как палицей. Это остановило шофера Евсея Федорыча. Он затоптался кирзовыми сапогами. Неуверенно сказал:

– Хулиганы...

– Мальчик умрет! – злорадно заявила тетка. – Это я вам га-ран-тирую!

– Фиг тебе, ведьма могильная, – сквозь зубы сказала Веранда. Она приподняла Кирилкину голову и... запела колыбельную:

*Над землей заря алеет,
Время звёзды рассыпать.
Мальчик вовсе не болеет,
Мальчик просто хочет спать.*

Раньше мы не слыхали ни разу, как она поет. И теперь... не знаю, хорошо ли она пела. По-моему, негромко. Но все замерли. И мы, и тетка с шофером.

*Слышишь, сказка сочиняется?
Это для тебя она.
Видишь, в небе улыбается
Очень круглая луна...*

И мы увидели луну. Над березами, по ту сторону тракта. Было еще светло, макушки деревьев золотились в вечерних лучах, но большая розовая луна виднелась отчетливо. Она и правда улыбалась. Вы скажете – подумаешь, луна! Но для нас-то она была впервые!

До той поры мы видели над Дорогой много всяких ночных светил: и сказочные рогатые месяцы (даже с носом и глазами), и большие планеты с кольцами, как у Сатурна; и шаровые скопления серебряных звезд, и белые луны с циферблатами и стрелками; и висящие в темной высоте желтые окна... А это была **н а с т о я щ а я**

л у н а, с земного неба! Родная такая...

Тетка тоже оглянулась на луну. И ее, тетку, передернуло, она стала усыхать. Съежилась и трусцой побежала к машине. Шофер – за ней. Вскочили в фургон. Он взвыл, затрясся, выплюнул синий дым и укатил.

Мы постояли еще секунд пять или десять. Глазами попрощались с лунной. Может, навсегда. Потому что сейчас улетим. И Голован опять сказал:

– Готовим корабль! Быстро!

А Веранда тихо отозвалась из травы.

– Не надо. Уже всё...

Что «всё»?! Мирдохнул на меня кладбищем. Зажать уши и провалиться в Ничто!

– Всё уже, – устало повторила Веранда. – Он спит. Кончилась болезнь, лоб холодный.

Я понял, что сейчас зареву. Ну и... если не можешь удержаться, что делать? Быстро ушел за березы. Потом глянул сквозь мокрые ресницы: рядом всхлипывает Минька. А неподалеку стоял Коптилка, что-то шептал Алику и гладил его полосатую шею. Наверно, просил прощенья...

3.

Наутро Кирилка был совсем здоров. Он даже требовал, чтобы мы разрешили ему нести рюкзак. Но это уж «дудки вам, молодой человек», как сказала Веранда.

Дорога была все та же – мощный тракт с травянистыми кюветами и высокими березами по сторонам.

Сквозь березы брызгало горячими огоньками солнце. Каждому – в правую щеку.

Мы шли по обочине. Никто нас не догонял, никто не встречался. Потом влево от тракта отошел за березы, в луга,

проселок. Вдали виднелись крыши, трубы, высокий ветряк и башня ретранслятора.

И Веранда сказала – просто, будто мы из недалежного турпохода идём:

– Ну ладно, ребята, я сворачиваю. Вон там посёлок мой, Сопёлкино...

– Как?.. Какое Сопёлкино? – выговорил Голован. А мы, остальные, открыли рты.

– Ну, какое... Мое. Кто-то же должен вернуться первым. Так вышло, что я...

– Постой! А башмаки? – вспомнил Кирилка.

– А чего башмаки? Вот... – она дернула ногой. На ступнях была ржавая труха. У нас, кстати, тоже.

– Но ведь есть еще по две пары в рюкзаках! – Это опять Кирилка. Он, кажется, никак не хотел расставаться с Верандой.

Она скинула рюкзак и вытряхнула из него всё в кювет. Да никакое не «всё» – там опять же была одна ржавчина.

– Алена, возьми сумку. Будешь теперь походный врач...

И Аленка молча взяла сумку.

– Ну, пока, – сказала сразу всем Веранда. Длинная, в обвисшем платье с полинялым цветастым узором. Обвела нас синими глазами. – Не сердитесь на меня, ладно?

Мы стояли как замороженные. Неужели она правда сейчас уйдет?

А она повернулась и пошла по проселку. И остановилась. Шагнула к нам опять.

– Коптилка... Валера... Я хочу перед тобой извиниться.

– За что? – сипло удивился он.

– Там, на планетках, я несколько раз... украдывала... брала без спросу твоего Алика. Это нехорошо, я

знаю. Но очень хотелось поиграть. Ты не сердись...

– Я... не... – выдохнул Коптилка.

Веранда неловко махнула над плечом ладошкой и опять пошла от нас.

Коптилка стремительно догнал ее.

– Вот... На! – и сунул ей в руки жирафа.

– Да ты что!

– Бери, я говорю!... Потому что... Ну, бери, вот и все! Я кому сказал!.. – Он даже топнул ногой, с которой посыпались остатки ржавчины.

– Бери! Бери! – закричали мы наперебой.

И Веранда взяла Алика. Прижала к груди. Улыбалась и смотрела на нас. А мы на нее. Потом пространство сдвинулось, проселок и Веранду закрыли кусты. Мощеный тракт превратился в асфальтовое шоссе. Вместо берез – бетонные заборы и кучи мусора.

Мы снова не удивились, только грустно стало. Вот и сделалось нас меньше на одного. Коптилка стоял совсем понурый. Я подумал: «Наверно ему все-таки очень жаль Алика». Он будто услышал мою мысль. Глянул из-за плеча, встряхнулся..

– А может, я найду другого Алика! Нашего кота!

Мы сели на валявшуюся у края асфальта бетонную балку. Надо было надевать новые башмаки – для продолжения пути.

Но в наших рюкзаках тоже оказалась чешуйчатая ржавчина. И мы побросали рюкзаки.

А что дальше?

– Мы так не договаривались, чтобы топать босиком. Я отвык, – пробурчал Коптилка. Потом оглянулся. – Ой, да кажется, уже недалеко топать-то... И вдруг закричал: – Алик! Алик!

Через дорогу шел серо-полосатый тощий кот с одним ухом.

Коптилка бросился за котом. Тот не обрадовался встрече, кинулся прочь. Коптилка за ним. А мы за ними обоими! И выскочили на свалку, где возвышались мусорные кучи.

Там Коптилка наконец поймал одноухого Алика. Упал на него животом, подхватил на руки.

И тогда между куч возникли двое. В сером камуфляже и беретах. С дубинками у пояса.

– Ты чего мучаешь животное, шмакодявка! А ну стой!

Коптилке чего бояться-то? Встал бы да объяснил: никого я не мучаю, поймал сбежавшего из дома кота Алика. Но прежний страх перед такими вот, с дубинками, не выгля из Коптилки даже долгая астероидная жизнь. И он кинулся прочь!

– Стой, паскуда!

Коптилка перескочил через ржавую проволоку, она горбилась над землей черными изгибами. Один конец ее был примотан к торчащей балке.

Кирилка и я сообразили одинаково. Прыгнули к другому концу! Дернули, натянули проволоку перед мужиками в беретах!

Грохот, вопли, ругань! А Коптилка с котом Аликом на руках убежал все дальше, дальше, скрылся за трансформаторной будкой.

Дай Бог ему удачи...

Мы торопливо отступили на асфальт. Свалка и бетонные заборы исчезли. Шоссе сделалось прямым, как стальная лента. По сторонам стояли аккуратные подстриженные клены.

Мы пошли не по асфальту, а по тропинке рядом с кленами. Все равно Д о р о г а... Или уже не Дорога? Ведь мы изнашивали все железные башмаки.

– Локки, надень свою накидку, – велел Голован. – Здесь цивилизация.

Локки сказал, что это «ц-дурацкая цви-визация», но послушался.

– Люди, подождите. Надо посоветоваться, – вдруг остановил нас Доня. Он был теперь не в прежней потрепанной одежде, а почему-то в полосатой пижаме. Она была ему мала, смешно торчали худые щиколотки.

– Люди, – повторил Доня. – Возникла непредсказуемая ситуация... Хотя, возможно и предсказуемая, но... Мы как-то неожиданно отрываемся друг от друга. Да, видимо, мы пришли. Пора... Но давайте тогда хотя бы попрощаемся заранее. Неизвестно, кто следующий. И увидимся ли потом...

Все было неизвестно. И грустно. И непонятно. И, конечно, следовало на всякий случай попрощаться.

Но не удалось. С визгом застопорила на обочине се-ребристая «Лада». Выскочила из машины очень красивая, очень взволнованная женщина.

– Доник! Ты с ума сошел! Посмотри на папу, у него больное сердце!

У открытой дверцы стоял мужчина. Не старый, но лысый. Суетливо протирал платком очки.

– Папа, ты только не нервничай, – быстро сказал Доня. – Ситуация под контролем.

– Хорош контроль! – Женщина вцепилась в Донино плечо. – Мы думали, ты уже взрослый мальчик, а ты... Сбежать из больницы! Поставить на голову весь персонал!

– Потому что я здоров!

– Врачи лучше знают, кто здоров, а кто нет! Тебе необходим реабилитационный период!.. Дети, где вы его нашли?!

– Можно сказать, случайно, – уклончиво отозвался Голован.

– Спасибо вам большое! Ардональд, в машину!

Не успел бедный Доня опомниться, как оказался в кабине. Дверца – хлоп! Машина – ф-р-р... И не стало с нами Дони Маккейчика.

Потом шагали мы вдоль асфальта часа два. Ужасно хотелось есть. Минька догнал каких-то туристов, выпросил у них батон. Наврал, что возвращаемся из похода и не рассчитали запас продуктов, съели, мол, вчера последние.

Один батон на шестерых – это слону дробина. Ну, подкрепились слегка и потопали снова. И каждый думал: что случится дальше? Как? С кем?

«Грустно будет шагать одному, когда все остальные уйдут», – думал я. И тосковал заранее. Потому что был уверен: последним останусь я.

Но все получилось не так.

Асфальт превратился в белую кремнистую дорогу, а друзья мои исчезли.

– Беги к автобусу! Скорее!

И я побежал к автобусу, который ярко желтел впереди под горячим солнцем. Я мчался и уже тоскливо знал, что будет сейчас.

И засвистело. И – тьма...

4.

Потом все говорили, что мне повезло необъяснимо. Мина взорвалась в нескольких метрах, но все осколки –

через голову. Только шарахнуло взрывной волной. Так шарахнуло, что я со всякими контузиями и сотрясениями провалялся два месяца. Сперва в южном госпитале, потом в нашей городской больнице.

В школу пошел только в октябре.

Конечно, на больничных койках мне казалось, что все случившееся – сон и бред. После такого взрыва чего только не покажется!

Но тогда откуда взялась песня, которая то и дело всплывала в памяти?

*Над землей заря алеет,
Время звезды рассыпать.
Мальчик вовсе не болеет,
Мальчик просто хочет спать...*

Разве бывает, что песня сочиняется в голове сама собой?

Было или не было?

Не осталось никаких доказательств. Там, на обочине Дороги, мы легкомысленно бросили рюкзаки и забыли вынуть из их карманов кораблики – подарок Рыкко.

Но оказалось, есть вещи, которые не теряются.

Девочка, с которой я давно еще подружился в кружке, принесла мне в больницу книгу «Фрегаты, бриги, шхуны». Об устройстве парусных судов. Я листал ее, разглядывал чертежи и рисунки, вспоминал золотой и черный клипера (были они или приснились?), и на одеяло мне упал из книги кораблик. Плоский, вырезанный из бумаги. Темно-синий с одной стороны, серо-желтый с другой.

Я не спал целую ночь, а наутро позвонил из больничного вестибюля девочке:

– Слушай, это ты вложила в книгу закладку-кораблик?

– Нет, я даже не видела такую...

– Тогда откуда она?!

– Рындик, да что ты так разволновался? Книга же библиотечная, кто угодно мог положить закладку.

Но я уже знал, к т о...

А потом была поставлена последняя точка. Меня навестил Минька Порох!

Ушли последние сомнения. Ведь Миньку-то до моей поездки в станицу Краснотуманскую я совершенно не знал! И он меня...

Минькина левая рука была в гипсе.

Мы сели в больничном вестибюле на скамью, и я сразу спросил:

– Всё помнишь?

Он похлопал белыми ресницами и тихонько сказал:

– Конечно... Только тебе, наверно, про это нельзя, ты еще больной...

Можно или нельзя – какая разница? Все равно никуда не денешься от того, что было. Да и зачем?

– Минька, только давай никому ни слова про это.

– Ладно. Я и так...

Оказалось, он живет недалеко от нас и учится в соседней школе. Вот странно. Там, на астероидах, мы столько болтали обо всем, но не сообразили, что на Земле были соседями...

Впрочем, хватало и других странностей. Наша школа находилась не в Техническом переулке, а на углу Партизанской и Смоленской. Клуб, где наш судостроительный кружок, назывался почему-то не «Парус», а «Бригантина». И в комнатах у нас были не привычные голубые, а серо-

желтые обои. Возможно, после взрыва у меня кое-что перепуталось в голове... Ну и наплевать! Главное, что Минька был рядом!

Оказалось, что в первых числах сентября Миньку на Касловском шоссе сбила легковая машина. Но не на смерть. Две недели он ходил с загипсованной рукой. А студентку, которая выгнала его с урока, после того случая чуть не исключили из института.

Когда меня выписали, мы с Минькой сделались неразлучными. Девочка даже порой сердилась на меня:

– Что ты все время с этим младенцем? Он же всего в третьем классе!

Я смеялся и говорил, что у нас крепкая боевая дружба, которая закалилась в летних приключениях.

– Какие приключения? Расскажи! Ну, Рындик...

Я смеялся опять и с ходу придумывал всякие происшествия, которые будто бы случались с нами в летние каникулы... Потом Минька записался в наш кружок, и мы стали дружить втроем. Но, разумеется, при девочке вспоминать астероиды мы с Минькой не могли. Вспоминали, когда было нас двое.

У Миньки тоже был кораблик Рыкко. Минька нашел его прямо в своем дневнике.

Случалось, мы даже грустили по астероидным временам, по пространствам. Но дома, конечно, было в тысячу раз лучше.

Мы часто гадали: что стало с нашими друзьями? Особенно с теми, кто покинул Дорогу после нас. Минька-то ушел с нее сразу же следом за мной. Увидел заросли вене-рино башмачка, свернул на пустырь, пересек его, прыгнул на шоссе...

Странно. Это было, когда я уже долго лежал в боль-

нице. А с Дороги мы ушли почти вместе. Как перепутывается время в пространствах...

Где теперь Аленка, Кирилка? В какие времена и страны занесло снова Локки?

Он, малыш, очень хотел обратно. Когда мы еще на Дороге говорили об этом, Коптилка довольно безжалостно спросил:

– А если тебя там... опять?

– Ну и ц-што... Зато маму увижу.

И вот чудо! Именно про Локки мы узнали все подробно.

5.

Это случилось уже зимой, в каникулы.

Мы с Минькой катались на лыжах с бугров, на том самом пустыре между Касловским шоссе и Корнеевским тупиком. Начинали уже синеть сумерки, и рядом с нами никого не осталось.

Мы съехали с бугра в ложбину. Синева сумерек задрожала, раздался стеклянный звон, и перед нами повис... Ну, не знаю, как назвать такой летательный аппарат. Квадратная площадка с пестрым балдахином на золотых фигурных столбиках, с фонариками вдоль навеса, с узорчатыми перилами, с размалеванными скульптурами пернатых чудищ по углам. Пасти этих чудищ извергали искрящийся дым.

Площадка повисела и плюхнулась в ломкие сухие сорняки, торчащие из снега. А мы плюхнулись перед ней – от удивленья.

Минька пришел в себя первым. Вскочил и завопил:

– Локки!!

С освещенных фонариками ступеней спускался кто-

то маленький в расшитом хитоне до пят, в головном уборе вроде украшенной перьями короны.

Минька подскочил к пришельцу, они обнялись, коро-на упала. Тогда я тоже узнал Локки.

История Локки была удивительна. Он остался на Дороге последним. Как исчезли Голован, Кирилка и Аленка, он даже не помнил толком, так быстро это случилось. Локки до ночи шел один. Мимо проносились машины с яркими фарами, пахло бензином и нагретой травой. Локки лег в кустах у обочины, поплакал от одиночества и уснул.

А проснулся у края Большого Каменного Пути, который соединял его город с другими городами страны Цтаанатаиннакоа-ката.

Локки встал и пошел домой. На груди его припух контур красного квадрата – след от жертвенного ножа.

Когда Локки вошел в город, слух побежал впереди воскресшего мальчишки. Люди валились ниц перед маленьким Цтинотакачтилокки-цдана, вернувшимся с небес, из царства Великих Пернатых Владык, которые поручили мальчику вновь сойти на земную твердь, чтобы он вывел к свету народ, погрязший в пучине греха. Отец, братья и сестры и даже мама тоже повалились перед ним, но Локки поднял маму и прижался к ней.

Локки, хотя и малыш, сообразил что к чему. Он не стал отрицать своего тесного знакомства с Пернатыми Владыками. Народ потребовал, чтобы Цтинотакачтилокки-цдана был объявлен Верховным Правителем страны. Жрецам куда деваться? Они через полгорода, от Главной Пирамиды до жилища мальчика и его семьи, ползли на коленях и долго умоляли его принять высочайшую должность.



Локки поломался и принял.

Прежде всего он строжайше и на все будущие века запретил человеческие жертвы. Именем Пернатых Владык. Главного жреца, который усомнился в полномочиях Верховного Правителя, Локки отправил в ссылку на дикий, заросший тростником островок посреди озера Татиката-пуна. Там жреца скушали крокодилы. («Но я не виноват, ц-честное слово! Он сам зазевался!»).

Печальная судьба жреца была истолкована как проявление небесной воли, и авторитет юного Правителя укрепился.

Локки объявил, что отныне всякую войну (если уж без нее нельзя обойтись) его страна будет начинать только после честного объявления. И предложил правителям соседних государств поступать так же. Те почесали в затылках и обещали подумать...

– А вообще-то ц-паршивое дело быть Верховным Правителем, – признался Локки. – Просто наказание... Советников – тьма, а проку от них, как шерсти от черепахи. Как увидят – падают на брюхо и лизут пол. А за спиной делают гадости. И жулье такое... Папаша и старший брат связались с ними, плетут заговоры...

И Локки признался, что скорее всего он плюнет на свое Верховное Правление, заберет маму, сестренку и братишек и сбежит вниз по реке Паратакана. Там в джунглях живут не очень развитые, но славные и мирные племена. Никого не режут, ни на кого не нападают, выращивают себе всякие фрукты-бананы и сочиняют песни-легенды. А по ночам веселятся у костров.

– И у них там, говорят, много некусачих собак. Я очень скучаю по той косматой и серой. Так бы и обнял опять...

Я тоже скучал по собаке, по рыжей дворняге...

Минька спросил:

– А откуда у тебя эта летающая штука?

– Отыскал в подвалах у жрецов. Давным давно прилетали какие-то дядьки с далекой планеты, оставили. Ну, я и отобрал ее у служителей Главной Пирамиды. Именем Пернатых Владык...

На «летающей штуке» можно было перемещаться с громадной скоростью не только в пространствах, но и через Время. Когда Локки понял это, он первым делом кинулся искать друзей. Перед визитом к нам Локки уже побывал у Кирилки. С Кирилкой все было в порядке. История с заложниками кончилась без крови, пули в Кирилку не попали. Он жил с мамой и папой и воспитывал маленькую сестренку. Одно тревожно – он то и дело спорил с учителями и завучем, боролся за справедливость в школе. Дело совершенно безнадежное – это понимал даже пришелец из далекой страны маленький Цтинотакачтилокицдана. Не пришлось бы Кирпичику тоже удирать в какие-нибудь джунгли – туда, где нет завучей и крикливых учительниц...

Потом Локки сказал, что ему пора.

– Как-нибудь опять прилечу. Только не очень скоро. Эта телега жрет столько энергии! Сейчас я домой, на заправку...

Он быстренько обнял нас, вскочил на платформу, и она взмыла в синеву. Растворилась.

Вот чертеночек...

Мы с Минькой потом несколько дней ругали себя и друг друга, что не успели спросить Кирилкин адрес. А как Локки-то его отыскал? Наверно, с помощью магии древних жрецов...

6.

В конце февраля мы увидели передачу о зимнем детском фестивале. Там выступал танцевальный ансамбль «Пострелята». В основном мальчишки. Но главным солистом у них была конопатая девчонка. Ух и плясала, ух и кружилась!

Конечно, мы с Минькой сразу узнали Аленку. Да и диктор сказал: «Солистка Алена Травина». Только из какого города ансамбль, мы не расслышали.

Сразу же мы с Минькой написали в Центральное Телевидение: просим сообщить, откуда ансамбль «Пострелята» с Аленой Травиной. Но ответа не было. Видимо, на ЦТ приходит очень много писем, там не успевают всем отвечать. Мы ждали, ждали. А еще надеялись: вдруг повторят передачу.

Передачу не повторили, зато наступило лето.

В конце июня ко мне пришел полосатый жираф Алик. Ночью.

Ночь была светлая, в открытое окошко бросала отблески желтая заря. Если сидеть на подоконнике, можно даже читать без электричества. Ну, я и почитал немного «Одиссею капитана Блада». Потом лег.

И раздался тихий стук.

В полусумерках я разглядел Алика. Это он стучал деревянными копытцами. Вышел из-за книжного шкафа и пошел к моей постели.

Вы же знаете – во сне человека не удивляют никакие странности. И я не удивился, только почему-то слегка опечалился. Алик подошел и положил голову мне на грудь.

– Здравствуй, – прошептал я. – А где Веранда? То есть Вероника...

Алик молчал. Он ведь не умел говорить своим нарисованным ртом. В глазах-пуговках отражалась заря, и похоже было, что это блестят слезинки.

– Ты что, Алик? Что-нибудь случилось?

Полоски на его шее казались черными. Он по-кошачьи потерся головкой о мою грудь. И снова – стук-стук-стук – ушел за шкаф.

Я полежал с полминуты. Сердце стучало, как копыта Алика. Я вскочил, заглянул за шкаф. Пошарил. Никого там, конечно, не было.

Целый день потом я вспоминал этот сон. Сон ли? И почему так тревожно и грустно?

В девять вечера в «Новостях» передали, что какие-то экстремисты совершили еще один террористический акт. В дальнем городе Иерусалиме. На главном рынке. Взорвали там бомбу. Много раненных, в том числе и несколько русских туристов, которые так некстати оказались на этом базаре. А одна русская девочка погибла. Вероника Донцова, четырнадцать лет...

«Да нет же! – закричал я себе. – Это просто совпадение!»

Конечно, имя Вероника не самое распространенное, и фамилия Донцова – не Петрова или Сидорова. Но все же Вероник Донцовых немало на свете.

Да и как могла Веранда оказаться в Иерусалиме? Вроде бы, семейство ее в поселке Сопёлкино, со скандальным отчимом, не из тех, кто путешествует по заграницам.

Но тут показали фотографию...

...– Ты куда?! – закричала мама. – Скоро ночь на дворе!
– Я не надолго!

Я не надолго. Может быть, это и правда будет недолго по земным понятиям. А может быть...

Я выскочил на улицу. Никакой ночи, конечно, еще не было. Солнце зайдет лишь через час. А пока оно блестело в мокрых после недавнего дождика тополях. Листья тополей пахли так здорово! По-земному.

Господи, что не живется на этой планете людям? Отчего этот мир такой вздыбленный, то и дело давится злостью?

Минька бежал мне навстречу. В старом, истрепанном своем желто-зеленом костюме, похожем на бразильскую футбольную форму. Минька заметно вырос, костюмчик его стал куцым.

– Слышал? – выдохнул он.

– Да.

– Ты думаешь, она теперь там?

А что я еще мог думать?

– Наверно... А где еще? Дорога-то туда знакомая...

– Тогда что? Прямо сейчас? – тихо спросил Минька.

– А чего тянуть? Клипер с тобой?

Минька вытащил из кармана плоский бумажный ко-раблик. У меня в кармане джинсов был такой же.

Меня вдруг взяла такая злость на Веранду! На эту швабру с вечно сырыми глазами!

Какая холера понесла ее в Иерусалим?! Вечно из-за этой дуры неприятности! Бросай теперь всё и тащись в дальние дали! И еще не известно, вернешься ли...

Ну да, она спасла Кирилку. Но все равно...

А что «все равно»? Не хочется лететь? Боишься?

«Еще бы...» – сказал я себе. И спросил Миньку:

– Боишься?

– Ага, – тихо признался он. – А ты?

– Я... Минька, а как ты думаешь, другие слышали э т о?

– Не знаю... Лишь бы Кирилка не услышал. Кинется как сумасшедший. А ему... лучше не надо. Опять схватит какую-нибудь хворь...

«Ох, а сам-то ты...» – Я мельком прошелся по нему глазами.

Мы зашагали на пустырь, к тем буграм, где зимой катались на лыжах. Уже зацвёл венерин башмачок, на цветах висели мелкие капли. Мы оба промокли в густой высокой траве. Минькины трикотажные шорты и рубашка облепили его, и теперь он казался совсем щуплым. И я наконец сказал то, что должен был сказать:

– Минь... тебе, наверно, незачем лететь. Я и один управлюсь. Как-нибудь вытащу эту ненормальную... А чего рисковать двоим...

И тогда впервые в жизни Минька Порох взорвался, как порох!

– Вот как дам сейчас по шее!

Это он-то даст мне по шее! Хотя и подрост, но все равно он мне лишь до уха и руки как у Буратино. Я засмеялся. И сделалось легче.

Мы выбрались на то место, где зимой приземлялся Локки. Неподалеку торчал обломок стены с остатками штукатурки и полустертыми карандашными буквами: «Вовка ду...»

Уж не обо мне ли это? Может, я и правда «ду...»? Ну, а что делать?

Не лететь? Может, ничего не было?

Минька нагнулся, отлепил от мокрого колена лепестки венериного башмачка. Глянул на меня не разгибаясь, улыбнулся.

– Жалко, что еще не созрели семена. Взяли бы с собой.



– Там и без того, наверно, целые рощи...

– Ой... – ласково сказал Минька.

Из сырых стеблей к нам вышел полосатый жираф Алик. Ткнулся губами в Минькины ладони.

Я опять не удивился, хотя ясно уже – не сон.

Минька взял Алика на руки. Глянул на меня опять:

– Ну?

– Будем склеивать кораблики? Или используем один?

– Лучше один, – рассудил Минька (и Алик закивал головой на тонкой шее). – Другой оставим про запас. Мало ли что...

Я взял свой кораблик, приложил его к сырой штукатурке (где «Вовка ду...»). Бумага сразу приклеилась. Я оглянулся.

– Как там Рыкко говорил? Надо на него дыхнуть, чтобы стал настоящим?

– Ага... Дыхнем вместе. – И Минька с полосатым жирафом Аликом встал рядом.

А я наконец понял, ч е г о я боюсь. Не дальнего полята, не всякой там неизвестности, не долгого обратного пути по Дороге. Я боялся, что ничего сейчас не получится с кораблем Рыкко Аккабалдо.

Тогда что?

«Ладно, не юли», – сказал я себе.

Потому что я знал и другой путь. И знал, что Миньке он тоже известен.

Не так уж это и трудно, пока по всей Земле рвутся снаряды и мины...

Содержание

Второе открытие Антарктиды.....	4
Полосатый жираф Алик	
Трава для астероидов.....	9
Золотые паруса.....	47
Желтая планета.....	94
Семь пар железных башмаков.....	135

Литературно-художественное издание

Для детей среднего и старшего школьного возраста

**Владислав Петрович
КРАПИВИН**

ПОЛОСАТЫЙ ЖИРАФ АЛИК

Межзвездная повесть

Редактор Н.В. Крапивин
Художник Е.И. Стерлигова
Художественный редактор Н.В. Варламова
Ответственный корректор М.В. Першакова

Изд. лиц. ЛР № 071333 от 22.03.96.
Подписано к печати 13.09.99.
Формат 60х84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Тайме». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,77.
Тираж 4000 экз. Заказ № 871608.

ТОО «Издательский дом «Уралтранс»,
620086, Екатеринбург, ул. Посадская, 21-233.

Переплетные процессы: ИПП «Уральский рабочий»,
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.



УРАЛ-ТРАНС
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

